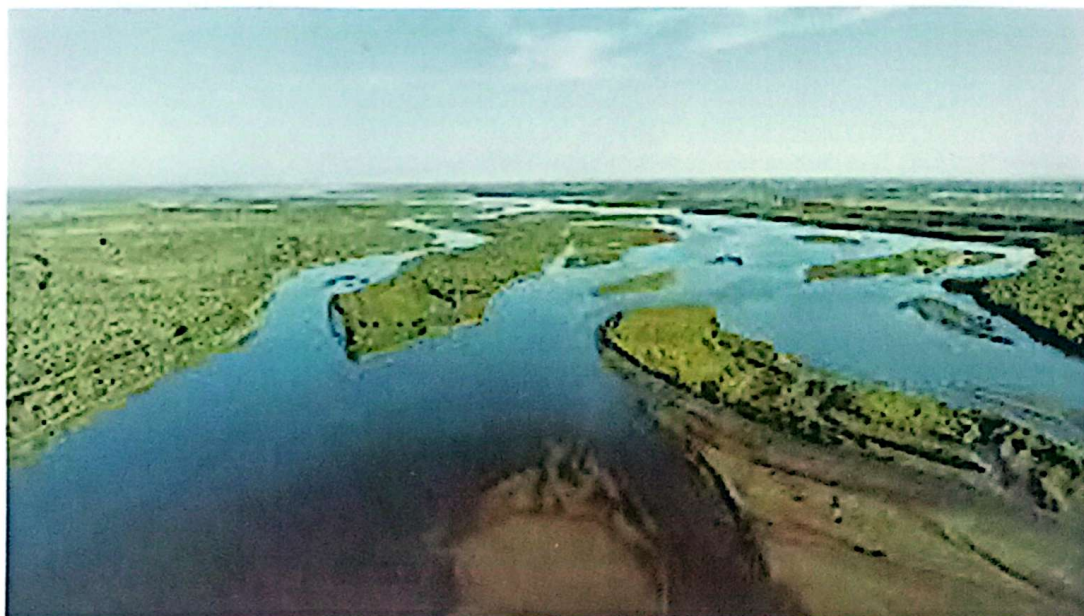

УМАРОВА КАРЛЫГАШ

**ТРАНСГРАНИЧНОЕ ВОДНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО В
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРАВОВЫЕ
МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ
БАССЕЙНОМ АМУДАРЬИ
МОНОГРАФИЯ**

**НУКУС
«NUR TURAN PRINT»
2025**

УДК556.51/.54:340(575)

ББК: 26.222.5(543)

У 52

Умарова, К. Трансграничное водное сотрудничество в Центральной Азии: правовые механизмы управления бассейном Амударьи [Текст] / К. Умарова. - Нукус: Nur Turan Print, 2025.- с. 144 с.

Монография посвящена комплексному исследованию правовых механизмов трансграничного водного сотрудничества в бассейне реки Амударья — крупнейшей водной артерии Центральной Азии. В работе анализируются теоретико-правовые основы международного водного права, включая принципы справедливого и разумного использования водных ресурсов, обязательство непричинения значительного ущерба и процедурные требования предварительного уведомления и консультаций.

В работе рассматриваются актуальные вызовы водной безопасности региона: водно-энергетические противоречия между государствами верхнего и нижнего течения, экологический кризис Аральского моря, влияние изменения климата на водные ресурсы, а также новые факторы неопределённости, связанные с водохозяйственной деятельностью Афганистана.

Монография предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, специалистов в области международного экологического и водного права, а также практических работников государственных органов и международных организаций, занимающихся вопросами управления трансграничными водными ресурсами.

Рецензенты:

К.Р.Бабаназаров — д.ю.н., доцент. Судья Нукусского межрайонного административного суда

А.Жуманов — к.ю.н., доцент кафедры «Права человека, государственное право и правление» КГУ им.Бердаха.

Данная монография рекомендована к печати решением Научного Совета Каракалпакского государственного университета имени Бердаха от 3 декабря 2025 года №3/5.3.

ISBN 978-9910-585-53-1

© УМАРОВА К., 2025.

© «NUR TURAN PRINT», 2025.

УМАРОВА КАРЛЫГАШ

МОНОГРАФИЯ

**ТРАНСГРАНИЧНОЕ ВОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ БАССЕЙНОМ АМУДАРЬИ**

Нукус 2025 г.

Умарова Карлыгаш Умаровна

Монография.

Рецензенты:

К.Р.Бабаназаров – д.ю.н., доцент. Судья Нукусского межрайонного административного суда

А.Жуманов – к.ю.н., доцент кафедры «Права человека, государственное право и правление» КГУ им.Бердаха.

Данная монография рекомендована к печати решением Научного Совета Каракалпакского государственного университета имени Бердаха от 3 декабря 2025 года №3/5.3.

СОДЕРЖАНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ТРАНСГРАНИЧНОГО ВОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

1.1. Понятие и принципы международного водного права

1.2. Трансграничные водные ресурсы: правовая природа и особенности регулирования

1.3. Принцип справедливого и разумного использования водных ресурсов в международном праве

ГЛАВА 2. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ БАЗА УПРАВЛЕНИЯ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2.1. Конвенция ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года: значение для региона

2.2. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 года (Хельсинкская конвенция)

2.3. Региональные соглашения по водным ресурсам в Центральной Азии: история и современность

ГЛАВА 3. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОД АМУДАРЬИ

3.1. Исторический анализ правового регулирования водных ресурсов в советский период

3.2. Трансформация водно-правового режима после обретения независимости странами Центральной Азии

3.3. Национальное законодательство государств бассейна по регулированию водопользования

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Водные ресурсы представляют собой один из наиболее важных факторов устойчивого развития государств и обеспечения благополучия населения в современном мире. В условиях глобального изменения климата, роста численности населения и интенсификации хозяйственной деятельности проблема рационального использования и охраны водных ресурсов приобретает особую остроту, превращаясь из преимущественно технической задачи в комплексную проблему, затрагивающую экономические, социальные, экологические и политические аспекты жизни общества. Особую сложность данная проблема приобретает в отношении трансграничных водных ресурсов, использование которых затрагивает интересы нескольких государств и требует выработки согласованных подходов на основе норм и принципов международного права. По данным Организации Объединённых Наций, более 260 речных и озёрных бассейнов в мире являются трансграничными, охватывая территории двух или более государств, а около 40 процентов населения планеты проживает в бассейнах таких рек, что свидетельствует о глобальном масштабе и важности международно-правового регулирования в этой сфере¹.

Центральная Азия является одним из регионов мира, где проблемы трансграничного водопользования стоят наиболее остро и где от их успешного решения зависит не только экономическое благополучие, но и социальная стабильность, экологическая безопасность и межгосударственные отношения. Засушливый климат, при котором испарение существенно превышает количество осадков на большей части территории региона, обуславливает критическую зависимость хозяйственной деятельности от искусственного орошения. Высокая зависимость экономики от орошаемого земледелия, исторически сложившаяся в период масштабного освоения

¹ Трансграничное сотрудничество на международных реках: проблемы, опыт, уроки, прогнозы экспертов.
https://www.cawater-info.net/bk/water_law/1_global.htm#:~:text= (Дата обращения: 12.02.2025г.)

целинных земель и развития хлопководства, сохраняется и в настоящее время, определяя приоритеты водной политики государств региона. Неравномерное распределение водных ресурсов между странами формирования стока, расположенными в горных районах Памира и Тянь-Шаня, и странами его потребления, занимающими равнинные территории в среднем и нижнем течении рек, создаёт объективную основу для противоречий между различными моделями водопользования. Наследие советской системы экстенсивного водопользования, ориентированной на максимизацию водозаборов для нужд ирригации без должного учёта экологических последствий, продолжает оказывать влияние на современную водохозяйственную практику и создаёт дополнительные вызовы для устойчивого управления водными ресурсами.

Бассейн реки Амударья, являющейся крупнейшей водной артерией Центральной Азии, представляет собой наглядный пример сложности трансграничных водных отношений и одновременно служит своеобразной лабораторией для изучения правовых механизмов управления общими водными ресурсами. В этом бассейне переплетаются интересы пяти государств Центральной Азии — Таджикистана и Кыргызстана как стран формирования стока, Узбекистана и Туркменистана как основных потребителей воды, Казахстана, затрагиваемого экологическими последствиями водопользования в регионе Аральского моря, — а также Афганистана, претендующего на увеличение своей доли водных ресурсов реки. Конкурирующие приоритеты ирригационного использования воды, жизненно важного для сельского хозяйства стран нижнего течения, и гидроэнергетического использования, представляющего стратегический интерес для стран верховий, создают структурное противоречие, требующее правового урегулирования. Острые экологические проблемы, символом которых стала катастрофа Аральского моря, превратившегося из четвёртого по величине озера мира в несколько разрозненных водоёмов, окружённых солончаками и опустыненными территориями, придают водной проблематике региона глобальное измерение и привлекают внимание международного сообщества.

Для Республики Узбекистан проблематика правового регулирования использования вод Амударьи имеет стратегическое значение, определяемое географическим положением страны, структурой её экономики и демографическими особенностями. Узбекистан является крупнейшим по численности населения государством Центральной Азии и одновременно крупнейшим потребителем водных ресурсов в регионе, при этом формирование стока основных рек — Амударьи и Сырдарьи — происходит за пределами его территории, преимущественно в горных районах Таджикистана и Кыргызстана.

Особую актуальность для Узбекистана приобретает экологическое измерение водной проблемы, наиболее драматично проявляющееся в зоне Аральского моря. Республика Каракалпакстан и Хорезмская область, расположенные в нижнем течении Амударьи, непосредственно столкнулись с катастрофическими последствиями высыхания Арала, включая деградацию земель, засоление почв, ухудшение качества питьевой воды, рост заболеваемости населения респираторными и онкологическими заболеваниями, вызванными солепылевыми бурями с обнажившегося дна моря, а также массовую миграцию населения из зоны экологического бедствия. Осознание масштабов этой трагедии и ответственности за её преодоление находится в центре государственной политики Узбекистана. Как подчеркнул Президент Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёев: «Развитие Приаралья, в частности, Республики Каракалпакстан, прежде всего смягчение последствий экологического кризиса и создание благоприятных условий для населения, проживающего в сложных условиях, является одной из основных целей стратегии развития Нового Узбекистана. Как я говорил ранее, судьба Каракалпакстана — это судьба Узбекистана, счастье и благополучие народа Каракалпакстана — это счастье и благополучие всего народа Узбекистана. Сегодня мы делаем ещё один важный шаг на этом пути»². Эти слова отражают не только гуманитарное измерение водной проблемы, но и понимание неразрывной связи между

² Речь Президента Республики Узбекистан на церемонии открытия моста через реку Амударья, от 29 февраля 2024 г. // <https://www.president.uz/uz/lists/view/7056> (Дата обращения: 20.02.2025 г.)

правовым регулированием трансграничного водопользования, экологической безопасностью и социальным благополучием населения.

Актуальность исследования правовых механизмов управления водными ресурсами бассейна Амударьи для Узбекистана определяется также необходимостью научного обоснования позиции страны в региональном и международном диалоге по водным вопросам. Присоединение Узбекистана к Конвенции ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года и Хельсинкской конвенции 1992 года создало правовую основу для защиты национальных интересов с опорой на универсальные принципы международного водного права, включая принцип справедливого и разумного использования, обязательство не причинять значительного ущерба и требования о предварительном уведомлении и консультациях в отношении планируемых мер. Глубокое понимание этих принципов, механизмов их применения и международной практики является необходимым условием для эффективного участия страны в переговорных процессах, защиты законных интересов в области водопользования и продвижения инициатив по укреплению регионального сотрудничества. В условиях, когда водные вопросы всё чаще рассматриваются через призму безопасности, а конкуренция за ограниченные водные ресурсы нарастает, научно обоснованный правовой подход приобретает особое значение для дипломатии и внешней политики Узбекистана.

Современный период характеризуется нарастанием вызовов водной безопасности в регионе, которые требуют адекватного правового реагирования на национальном, региональном и международном уровнях. Изменение климата приводит к ускоренному таянию ледников Памира и Тянь-Шаня, формирующих сток Амударьи и Сырдарьи, что в среднесрочной перспективе может вызвать увеличение водности рек за счёт интенсивного таяния ледниковых запасов, однако в долгосрочной перспективе угрожает существенным сокращением водных ресурсов региона по мере исчерпания этих запасов. Планы строительства крупных гидроэнергетических объектов в верховьях Амударьи, прежде всего Рогунской ГЭС в Таджикистане, порождают обоснованные опасения

относительно их воздействия на режим стока и водообеспечение орошаемого земледелия в среднем и нижнем течении, хотя в последние годы наметились позитивные тенденции к трансформации потенциально конфликтных проектов в механизмы регионального сотрудничества. Начало строительства Афганистаном ирригационного канала Кош-Тепа без предварительных консультаций с прибрежными государствами и оценки трансграничного воздействия создаёт дополнительные риски для водного баланса бассейна и ставит вопрос о механизмах вовлечения Афганистана в региональную систему водного сотрудничества. В этих условиях совершенствование правовых механизмов трансграничного водного сотрудничества становится насущной необходимостью для всех государств региона.

Автор выражает надежду, что результаты проведённого исследования будут полезны как для научного осмысления проблем трансграничного водного сотрудничества, так и для практической деятельности по совершенствованию правовых механизмов управления водными ресурсами в Центральной Азии. Для Узбекистана, находящегося на передовой борьбы с последствиями Аральской катастрофы и одновременно стремящегося к развитию конструктивного диалога со всеми государствами региона, понимание правовых основ трансграничного водопользования, знание международного опыта и региональной специфики являются необходимыми условиями для выработки эффективных решений. Только на основе международного права, взаимного уважения интересов и готовности к компромиссу возможно обеспечить справедливое распределение водных ресурсов, экологическую устойчивость и мирное сотрудничество государств региона в интересах нынешнего и будущих поколений.

1.1. Понятие и принципы международного водного права

Международное водное право представляет собой совокупность международно-правовых норм и принципов, регулирующих отношения между государствами по поводу использования, охраны и управления трансграничными водными ресурсами. Формирование этой отрасли международного права обусловлено объективной необходимостью согласования интересов различных государств, имеющих общие водные ресурсы, и предотвращения конфликтов в водной сфере. В современных условиях растущего дефицита пресной воды и обострения экологических проблем международное водное право приобретает особое значение как инструмент обеспечения мирного сотрудничества и устойчивого развития³. По данным ООН, более 260 речных и озерных бассейнов являются трансграничными, охватывая территории двух или более государств, и около 40% населения мира проживает в трансграничных речных бассейнах, что подчеркивает масштаб и важность международно-правового регулирования в этой сфере⁴. Для Республики Узбекистан, расположенной в Центральной Азии и зависящей от трансграничных водных ресурсов рек Амударья и Сырдарья, вопросы международного водного права имеют критическое значение для обеспечения национальной водной безопасности, устойчивого социально-экономического развития и экологической стабильности региона.

Предметом регулирования международного водного права выступают отношения, возникающие между государствами в связи с использованием вод международных водотоков в несудоходных целях, включая ирригацию, производство электроэнергии, промышленное и коммунально-бытовое водоснабжение, рыболовство и рекреацию. При

³ Теймуров Э. С. Международно-правовое регулирование рационального использования пресной воды: дис.... канд. юрид. наук: 12.00. 10: защищена 13.04. 2016. – 2015.

⁴ Доклад ООН о состоянии водных ресурсов мира, 2021: ценность воды / ЮНЕСКО. – Париж: ЮНЕСКО, 2021. – 187 с. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000375750_rus

этом международное водное право охватывает не только вопросы количественного распределения водных ресурсов между государствами, но и проблемы качества воды, охраны водных экосистем, предотвращения трансграничного загрязнения и управления рисками, связанными с наводнениями и засухами. Комплексный характер предмета регулирования обуславливает тесную взаимосвязь международного водного права с другими отраслями международного права, включая международное экологическое право, право международных договоров, право международных организаций и международное гуманитарное право. Для Узбекистана особую актуальность приобретают вопросы регулирования использования воды для ирригационных целей, поскольку сельское хозяйство является основой экономики страны и потребляет более 90% всех водных ресурсов, при этом значительная часть пахотных земель требует искусственного орошения в условиях засушливого климата⁵.

Субъектами международного водного права выступают прежде всего государства, территорию которых пересекают или по границам которых проходят международные водотоки. Однако в последние десятилетия наблюдается расширение круга субъектов, участвующих в регулировании трансграничных водных отношений. Все большую роль играют международные организации универсального и регионального характера, такие как Программа ООН по окружающей среде, Программа развития ООН, Всемирный банк, региональные экономические комиссии ООН⁶. Кроме того, в процессе управления трансграничными водными ресурсами активно участвуют специализированные межгосударственные органы, создаваемые прибрежными государствами для координации водопользования в конкретных бассейнах рек. Нельзя не отметить и возрастающую роль негосударственных организаций, включая научные учреждения, неправительственные экологические организации и местные сообщества, чье участие в управлении водными ресурсами признается важным элементом эффективного водного управления. Республика Узбекистан является активным участником региональных

⁵ Мавлонов А. А., Абдуллаев Б. Д. Водные ресурсы Узбекистана и их использование: современное состояние и перспективы // ГЕОГРАФИЯ ЖЭНЕ. – 2016. – Т. 1998. – С. 63.

⁶ Ермолина М. Международное право окружающей среды. Учебник для вузов. – Litres, 2022.

механизмов водного сотрудничества в Центральной Азии, включая Международный фонд спасения Арала и Межгосударственную координационную водохозяйственную комиссию, созданные государствами региона для координации совместного использования водных ресурсов бассейнов Амударьи и Сырдарьи⁷.

Исторически международное водное право развивалось на основе обычных норм и двусторонних соглашений между прибрежными государствами. Первые попытки кодификации международно-правовых норм в области водопользования были предприняты еще в конце XIX века, однако системное развитие этой отрасли права началось лишь во второй половине XX столетия. Важнейшим этапом стало принятие Хельсинкских правил об использовании вод международных рек в 1966 году Ассоциацией международного права, которые, хотя и не имели обязательной юридической силы, заложили основу для последующей кодификации международного водного права. Эти правила впервые сформулировали концепцию справедливого и разумного использования водных ресурсов, которая впоследствии стала краеугольным камнем всей системы международного водного права⁸. Хельсинкские правила отвергли как доктрину абсолютного территориального суверенитета, предоставляющую государству верхнего течения неограниченные права на использование вод реки, так и теорию абсолютной территориальной целостности, запрещающую любые действия, которые могут повлиять на естественный сток реки. В контексте Центральной Азии формирование правового режима использования трансграничных вод происходило в советский период на основе централизованного планирования и административного распределения водных ресурсов между республиками, что создало определенные традиции водопользования, которые после обретения независимости странами региона, включая Узбекистан в 1991 году, потребовали переосмысления и адаптации к новым геополитическим реалиям.

⁷ Турсунов О. Структурно-функциональный анализ системы водного законодательства Республики Узбекистан //Общественные науки в современном мире: теоретические и практические исследования. – 2025. – Т. 4. – №. 14. – С. 16-21.

⁸ Рыбеков Ю. Х. Трансграничные водные ресурсы Центральной Азии как фактор региональной безопасности: политические и правовые аспекты ее обеспечения //Ташкент: НИЦ МКВК ЦА. – 2004. – С. 22-28.

До принятия Хельсинкских правил в международной практике существовали различные доктрины, определявшие права государств на использование трансграничных водотоков. Доктрина Хармона, сформулированная в конце XIX века генеральным прокурором США, утверждала абсолютный суверенитет государства над водными ресурсами на своей территории независимо от последствий для других государств⁹. Противоположная позиция выражалась в теории естественного и неотъемлемого права каждого прибрежного государства на ненарушенный естественный сток реки¹⁰. Обе эти крайние позиции оказались неприемлемыми для международного сообщества, так как первая игнорировала законные интересы государств нижнего течения, а вторая фактически лишала государства верхнего течения права на развитие. Поиск баланса между этими крайностями привел к формированию современной концепции справедливого и разумного использования, которая признает как права, так и обязанности всех прибрежных государств. В Центральной Азии эта дихотомия проявляется особенно остро: государства верхнего течения Амударьи и Сырдарьи – Таджикистан и Кыргызстан – стремятся максимально использовать гидроэнергетический потенциал рек для производства электроэнергии, в то время как государства нижнего течения, включая Узбекистан и Туркменистан, зависят от регулярного и предсказуемого водоснабжения в вегетационный период для нужд орошаемого земледелия.

Качественно новый этап в развитии международного водного права связан с принятием Конвенции ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года¹¹. Данная Конвенция стала результатом многолетней работы Комиссии международного права ООН, которая начала изучение этого вопроса еще в 1970 году, и представляет собой первый универсальный договор, устанавливающий общую правовую рамку для использования трансграничных

⁹ McCaffrey S. C. The harmon doctrine one hundred years later: buried, not praised //Nat. Res. J. – 1996. – Т. 36. – С. 965.

¹⁰ Teclaff L. A. What You Have Always Wanted to Know about Riparian Rights, but Were Afraid to Ask //Nat. Res. J. – 1972. – Т. 12. – С. 30.

¹¹ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков. Принята резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи от 21 мая 1997 года. [Электронный ресурс] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (Дата обращения 12.04.2025.)

водотоков¹². Несмотря на то, что Конвенция вступила в силу лишь в 2014 году после ратификации необходимым количеством государств, её положения оказали существенное влияние на формирование региональных и национальных правовых режимов водопользования во многих частях мира. Конвенция закрепила основополагающие принципы международного водного права и создала правовую основу для сотрудничества государств в области управления общими водными ресурсами. Важно отметить, что процесс разработки Конвенции сопровождался острыми дискуссиями между представителями различных правовых систем и регионов мира относительно баланса между правом на использование водных ресурсов и обязанностью не причинять ущерб другим государствам. Республика Узбекистан присоединилась к Конвенции ООН 1997 года в соответствии с Постановлением Президента Республики Узбекистан от 9 августа 2007 года № ПП-683 «О присоединении к международным договорам»¹³, что свидетельствует о признании страной универсальных принципов международного водного права и стремлении использовать международно-правовые механизмы для регулирования трансграничного водного сотрудничества в Центральной Азии, хотя практическая реализация положений Конвенции в региональном контексте требует дальнейшей координации с другими государствами бассейнов Амударьи и Сырдарьи.

Конвенция 1997 года содержит детальную регламентацию процедур уведомления и консультаций в отношении планируемых мер, которые могут иметь значительное неблагоприятное воздействие на другие государства водотока. Она устанавливает шестимесячный срок для ответа на уведомление, в течение которого государство, получившее уведомление, может оценить возможное воздействие планируемых мер и сформулировать свою позицию¹⁴. Если в течение этого периода не достигается согласие,

¹² Эюбов Э. Я. Принципы Конвенции ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г //Евразийский юридический журнал. – 2010. – №. 6. – С. 57-60.

¹³ Постановление Президента Республики Узбекистан от 9 августа 2007 года № ПП-683 «О присоединении к международным договорам». // Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2007 г., № 33-34, ст. 340

¹⁴ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков. Принята резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи от 21 мая 1997 года. [Электронный ресурс] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (Дата обращения 12.04.2025.)

Конвенция предусматривает процедуры мирного урегулирования споров, включая переговоры, добрые услуги, посредничество, примирение, арбитраж и судебное разбирательство. Однако следует признать, что эффективность этих процедур в значительной степени зависит от политической воли государств к сотрудничеству и компромиссу, а также от наличия объективной и полной информации о гидрологическом режиме водотока и потенциальных последствиях планируемой деятельности. Для Узбекистана особую обеспокоенность вызывает строительство крупных гидроэнергетических объектов в верховьях трансграничных рек, таких как Рогунская ГЭС в Таджикистане, которые могут существенно изменить режим стока и негативно повлиять на водообеспечение орошаемых земель в нижнем течении¹⁵, что делает соблюдение процедур уведомления и консультаций критически важным для защиты водных интересов страны.

Параллельно с универсальной кодификацией развивалось региональное регулирование водных отношений. Особое значение имеет Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер, принятая в Хельсинки в 1992 году под эгидой Европейской экономической комиссии ООН¹⁶. Первоначально действовавшая только в европейском регионе, с 2016 года данная Конвенция приобрела глобальный характер, открыв возможность присоединения для всех государств мира. Хельсинкская конвенция 1992 года делает особый акцент на экологических аспектах использования трансграничных вод, устанавливая обязательства государств по предотвращению, ограничению и сокращению трансграничного воздействия на водные объекты. В отличие от Конвенции ООН 1997 года, Хельсинкская конвенция требует от государств-участников заключения двусторонних или многосторонних соглашений по конкретным трансграничным водам и создания совместных органов для их реализации, что придает ей более конкретный и

¹⁵ Зоидов К. Х., Медков А. А. Эволюционно-институциональный подход при исследовании реализации крупных энергетических проектов и решении водных проблем в странах Центральной Азии //Проблемы рыночной экономики. – 2015. – №. 1. – С. 54-68.

¹⁶ Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер. Принята 17 марта 1992 года. [Электронный ресурс] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml (Дата обращения 12.04.2025.)

обязывающий характер¹⁷. Республика Узбекистан присоединилась к Хельсинкской конвенции 1992 года одновременно с Конвенцией ООН 1997 года в соответствии с Постановлением Президента от 9 августа 2007 года № ПП-683, став одним из первых государств Центральной Азии, взявших на себя обязательства по соблюдению международных стандартов в области трансграничного водного сотрудничества, что свидетельствует о стремлении страны укрепить правовые основы управления водными ресурсами региона и использовать международно признанные принципы и механизмы в практике водопользования.

Региональные особенности правового регулирования трансграничных водных ресурсов проявляются также в рамках других регионов мира. В Африке действует Конвенция о создании Органа по развитию бассейна реки Нигер 1980 года, Соглашение о сотрудничестве в целях устойчивого развития бассейна реки Нил 2010 года и ряд других региональных соглашений¹⁸. В Америке важную роль играет практика двусторонних соглашений между США и Канадой, США и Мексикой по совместным водотокам¹⁹. В Азии существуют соглашения по бассейнам Меконга, Ганга, Брахмапутры и других крупных рек, хотя уровень институционализации сотрудничества в этом регионе в целом ниже, чем в Европе²⁰. Эти региональные механизмы отражают специфику гидрологических, экономических, политических и культурных условий различных регионов и дополняют универсальную правовую базу международного водного права. В Центральной Азии после распада СССР государства региона, включая Узбекистан, заключили ряд важных соглашений о сотрудничестве в области совместного управления, использования и охраны водных ресурсов межгосударственных источников, включая Алматинское соглашение 1992 года²¹ и

¹⁷ Рязанова М. А. Правовые аспекты многостороннего и двустороннего сотрудничества по использованию и охране от загрязнения трансграничных водотоков : дис. – М, 2016.

¹⁸ Abseno M. M. Nile river basin //The UN Watercourses Convention in Force. – Routledge, 2013. – С. 139-151.

¹⁹ Paisley R. K. et al. Transboundary Water Management: An Institutional Comparison Among Canada, the United States and Mexico //Ocean & Coastal LJ. – 2003. – Т. 9. – С. 177.

²⁰ Ratner B. D. The politics of regional governance in the Mekong River Basin //Global Change, Peace & Security. – 2003. – Т. 15. – №. 1. – С. 59-76.

²¹ Соглашение между Республикой Казахстан, Республикой Кыргызстан, Республикой Узбекистан, Республикой Таджикистан и Туркменистаном «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных

Нукусскую декларацию 1995 года²², создавшие правовую основу для регионального водного сотрудничества.

В основе международного водного права лежит система основополагающих принципов, которые определяют права и обязанности государств в отношении трансграничных водных ресурсов. Центральное место среди них занимает принцип справедливого и разумного использования водных ресурсов, согласно которому каждое прибрежное государство имеет право использовать трансграничный водоток на своей территории справедливым и разумным образом²³. Этот принцип предполагает учет всех относящихся к делу географических, гидрографических, гидрологических, климатических, экологических и других факторов естественного характера, а также социальных и экономических потребностей заинтересованных государств. Справедливое и разумное использование не означает равного распределения воды между государствами, а требует сбалансированного учета интересов всех прибрежных государств с учетом их специфических условий и потребностей. Конвенция ООН 1997 года в статье 6 содержит открытый перечень факторов, подлежащих учету при определении того, является ли использование справедливым и разумным, включая характер и важность каждого вида использования, существующее и потенциальное использование водотока, последствия использования для других государств водотока, наличие альтернатив конкретному запланированному или существующему виду использования²⁴. Для Узбекистана применение принципа справедливого и разумного использования должно учитывать критическую зависимость национальной экономики и продовольственной безопасности от орошаемого земледелия, значительные инвестиции в ирригационную инфраструктуру, созданную за десятилетия, историю

ресурсов межгосударственных источников» Официальный сайт. URL: http://www.icwc-aral.uz/statute1_ru.htm (дата обращения: 12.02.2025г.)

²² Нукусская декларация государств Центральной Азии и международных организаций по проблемам устойчивого развития бассейна Аральского моря, от 5 сентября 1995 г. https://www.internationalwaterlaw.org/documents/regionaldocs/nukus_declaration_rus.pdf

²³ Теймуров Э. С. О соотношении принципов справедливого и разумного использования ресурсов пресной воды и суверенитета государства на часть трансграничного водного объекта //Право и политика. – 2015. – Т. 7. – С. 187.

²⁴ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков от 21 мая 1997 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (дата обращения: 10.01.2025).

водопользования в регионе, а также социально-экономические последствия недостаточного водоснабжения для миллионов сельских жителей, чьи средства к существованию зависят от сельского хозяйства.

При применении принципа справедливого и разумного использования важное значение имеет концепция виртуальной воды, разработанная профессором Тони Алланом, согласно которой при оценке водных потребностей государства необходимо учитывать не только непосредственное потребление воды, но и воду, затрачиваемую на производство импортируемых и экспортируемых товаров²⁵. Эта концепция позволяет более объективно оценивать реальные потребности государств в водных ресурсах и может служить основой для более справедливого распределения трансграничных вод. Однако применение концепции виртуальной воды в международно-правовой практике сталкивается с определенными трудностями методологического и политического характера, связанными со сложностью расчетов и нежеланием некоторых государств признавать водоемкость своего экспорта в качестве фактора при распределении трансграничных вод. Узбекистан традиционно является крупным производителем и экспортером хлопка, одной из наиболее водоемких сельскохозяйственных культур, что делает страну значительным экспортером виртуальной воды, однако в последние годы правительство проводит политику диверсификации сельского хозяйства, сокращения площадей под хлопчатником и перехода к менее водоемким культурам, что свидетельствует о стремлении к более рациональному и эффективному использованию ограниченных водных ресурсов.

Неразрывно связан с предыдущим принцип непричинения значительного ущерба другим государствам, который обязывает государства принимать все надлежащие меры для предотвращения причинения значительного вреда другим государствам водотока при использовании международного водотока на своей территории²⁶. В случае если такой ущерб все же причиняется, государство обязано принять все надлежащие меры

²⁵ Allan T. Virtual water: tackling the threat to our planet's most precious resource. – Bloomsbury Publishing, 2011.

²⁶ Краснова И. О. Развитие права несудоходных видов использования международных водотоков // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – №. 4. – С. 133-138.

для устранения или смягчения такого ущерба и, при необходимости, обсудить вопрос о компенсации. Важно отметить, что в международной практике данный принцип не носит абсолютного характера и должен применяться во взаимосвязи с принципом справедливого и разумного использования, что порой приводит к сложным коллизиям при толковании прав и обязанностей государств. Вопрос о соотношении этих двух принципов был одним из наиболее спорных при разработке Конвенции ООН 1997 года, и окончательная редакция представляет собой компромисс между позициями государств верхнего и нижнего течения. Для Узбекистана принцип непричинения значительного ущерба имеет первостепенное значение в контексте защиты от негативных последствий строительства крупных водохозяйственных объектов в верховьях Амударьи и Сырдарьи, которые могут нарушить установившийся режим водопользования, привести к затоплению сельскохозяйственных земель, населенных пунктов и объектов инфраструктуры в случае аварий, а также усугубить экологический кризис в регионе Аральского моря.

Определение понятия "значительного ущерба" представляет собой сложную задачу и должно осуществляться с учетом конкретных обстоятельств каждого случая. В доктрине международного права высказывается мнение, что ущерб должен считаться значительным, если он превышает уровень, который может рассматриваться как нормальные неудобства совместного использования международного водотока²⁷. При этом учитываются не только прямые материальные потери, но и долгосрочные экологические последствия, влияние на здоровье населения, утрата биологического разнообразия и другие нематериальные факторы. Международная судебная практика, в частности решения Международного Суда ООН по делам о целлюлозных заводах на реке Уругвай²⁸ и о некоторых видах деятельности Никарагуа в приграничной зоне²⁹,

²⁷ McIntyre O. The current state of development of the no significant harm principle: How far have we come? //International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. – 2020. – Т. 20. – №. 4. – С. 601-618.

²⁸ McIntyre O. The proceduralisation and growing maturity of international water law: Case concerning pulp mills on the river Uruguay (Argentina v Uruguay), International Court of Justice, 20 April 2010 //Journal of Environmental Law. – 2010. – Т. 22. – №. 3. – С. 475-497.

²⁹ Rudall J. Certain activities carried out by Nicaragua in the border area (Costa Rica v. Nicaragua) //American Journal of International Law. – 2018. – Т. 112. – №. 2. – С. 288-294.

внесла определенную ясность в толкование этого принципа, подчеркнув необходимость проведения экологической оценки воздействия для предотвращения значительного трансграничного ущерба. В условиях Центральной Азии значительный ущерб может проявляться в сокращении водоснабжения орошаемых земель в критические периоды вегетации, что для Узбекистана означает угрозу продовольственной безопасности, снижение сельскохозяйственного производства, рост безработицы в сельской местности и усиление миграционного давления, а также дальнейшую деградацию Аральского моря и прилегающих территорий.

Принцип сотрудничества является одним из основополагающих начал международного водного права и предполагает обязанность государств водотока сотрудничать на основе суверенного равенства, территориальной целостности, взаимной выгоды и доброй воли в целях достижения оптимального использования и надлежащей охраны международного водотока³⁰. Этот принцип находит свое выражение в создании совместных механизмов управления водными ресурсами, проведении регулярных консультаций, обмене данными и информацией о состоянии водных объектов. Сотрудничество может осуществляться на двусторонней или многосторонней основе и включать создание совместных комиссий, разработку согласованных планов управления бассейнами рек, совместный мониторинг качества воды и координацию действий в чрезвычайных ситуациях. Практика показывает, что наиболее эффективное управление трансграничными водными ресурсами достигается там, где существуют постоянно действующие институциональные механизмы сотрудничества с четко определенными полномочиями, адекватным финансированием и политической поддержкой на высшем уровне³¹. Узбекистан последовательно выступает за укрепление регионального водного сотрудничества в Центральной Азии, активно участвует в деятельности Международного фонда спасения Арала и

³⁰ Теймуров Э. С. О соотношении принципов справедливого и разумного использования ресурсов пресной воды и суверенитета государства на часть трансграничного водного объекта //Право и политика. – 2015. – Т. 7. – С. 187.

³¹ Ланко Д. А. Управление трансграничными водными ресурсами: сравнительный анализ российского и американского опыта //Балтийский регион. – 2013. – №. 1. – С. 27-37.

Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии, проводит регулярные консультации с соседними государствами по вопросам водопользования и инициирует региональные форумы и конференции, посвященные проблемам управления водными ресурсами, включая ежегодную Международную конференцию высокого уровня по проблемам Аральского моря в Нукусе³².

Содержание принципа сотрудничества раскрывается через конкретные обязательства государств, включающие проведение регулярных консультаций по вопросам управления водными ресурсами, совместное планирование и осуществление водохозяйственных мероприятий, координацию действий в чрезвычайных ситуациях, таких как наводнения и засухи, совместное проведение научных исследований и мониторинга состояния водных объектов. Особое значение имеет сотрудничество в области охраны и восстановления водных экосистем, которое требует координации усилий всех государств бассейна, поскольку деградация экосистем в одной части бассейна неизбежно отражается на его состоянии в целом. В условиях изменения климата сотрудничество в области адаптации водного хозяйства к новым гидрологическим условиям становится критически важным для обеспечения водной безопасности всех прибрежных государств. Узбекистан проявляет особую заинтересованность в сотрудничестве по вопросам повышения эффективности использования воды, внедрения водосберегающих технологий в сельском хозяйстве, модернизации ирригационной инфраструктуры и совместных мерах по адаптации к изменению климата, которое в регионе проявляется в виде участившихся засух, изменения режима стока рек и ускоренного таяния ледников в горах Тянь-Шаня и Памира, формирующих сток Амударьи и Сырдарьи³³.

Важнейшим процедурным принципом международного водного права выступает принцип предварительного уведомления и консультаций, согласно которому государство, планирующее осуществить меры, которые могут иметь значительное

³² Зонн И. С., Шамсутдинов Н. З. Причины обмеления Аральского моря и перспективы его реставрации. Часть 2 //Вестник Московского университета имени СЮ Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2024. – №. 2 (49). – С. 52-60.

³³ Корхонен Н., Луц А. Изменение климата и устойчивое управление водными ресурсами в Центральной Азии. – 2014.

неблагоприятное воздействие на другие государства водотока, обязано своевременно уведомить эти государства и провести с ними консультации³⁴. Данный принцип направлен на предотвращение конфликтов и обеспечение учета интересов всех заинтересованных сторон еще на стадии планирования водохозяйственных проектов. Процедура уведомления и консультаций включает представление технической документации, оценку возможного воздействия на окружающую среду, предоставление разумного срока для ответа заинтересованным государствам и добросовестное рассмотрение их замечаний и предложений. Эффективность этого принципа в значительной степени зависит от своевременности уведомления – оно должно быть сделано на достаточно ранней стадии планирования, когда еще возможно внесение существенных изменений в проект с учетом замечаний других государств. Узбекистан неоднократно подчеркивал необходимость строгого соблюдения процедур уведомления и консультаций в отношении крупных водохозяйственных проектов в регионе, настаивая на проведении независимой международной экологической оценки воздействия таких проектов, как Рогунская ГЭС, и обеспечении участия всех потенциально затрагиваемых государств в процессе принятия решений о строительстве объектов, способных существенно изменить режим трансграничных водотоков.

Процедура уведомления и консультаций детально регламентирована в статьях 11-19 Конвенции ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года. Согласно этим положениям, уведомление должно сопровождаться имеющимися техническими данными и информацией, включая результаты любой оценки воздействия на окружающую среду, чтобы позволить уведомляемым государствам оценить возможные последствия планируемых мер³⁵. Государство, получившее уведомление, имеет шесть месяцев для изучения и оценки возможных последствий планируемых мер и направления ответа уведомляющему государству. В

³⁴ Пейсли Р. К. Международные водотоки, международное водное право и Центральная Азия // Central Asian Journal of Water Research. – 2018. – Т. 4. – №. 2-2. – С. 25-51.

³⁵ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков от 21 мая 1997 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (дата обращения: 10.01.2025).

течение этого периода и периода консультаций, если таковые проводятся, уведомляющее государство не должно осуществлять или разрешать осуществление планируемых мер без согласия уведомляемых государств. Однако если по истечении шести месяцев уведомляемое государство не представило ответа, уведомляющее государство может приступить к осуществлению планируемых мер в соответствии с уведомлением и другими имеющимися данными и информацией. В практике водных отношений государств Центральной Азии процедуры уведомления и консультаций не всегда соблюдаются должным образом, что приводит к напряженности в двусторонних отношениях и подрывает доверие между странами региона, включая Узбекистан, который неоднократно выражал обеспокоенность по поводу недостаточного информирования о планах строительства и эксплуатации крупных гидротехнических сооружений в верховьях трансграничных рек.

Принцип обмена данными и информацией тесно связан с предыдущим и обязывает государства на регулярной основе обмениваться имеющимися данными и информацией о состоянии международного водотока, в частности гидрологического, метеорологического, гидрогеологического и экологического характера, а также о прогнозах, связанных с водой³⁶. Своевременный и полный обмен информацией создает основу для принятия обоснованных решений в области управления водными ресурсами, способствует предотвращению чрезвычайных ситуаций и укреплению доверия между государствами. Особое значение этот принцип приобретает в условиях изменения климата, когда непредсказуемость гидрологического режима требует более тесной координации действий прибрежных государств. Обмен информацией должен осуществляться безвозмездно, за исключением случаев, когда предоставление информации связано со значительными расходами, в каких случаях государства могут договориться о компенсации таких расходов.

³⁶ Теймуров Э. С. Международно-правовое регулирование рационального использования пресной воды: дис.... канд. юрид. наук: 12.00. 10: защищена 13.04. 2016. – 2015.

Содержание обязательства по обмену информацией включает не только предоставление данных по запросу, но и активное информирование других государств водотока о событиях или обстоятельствах, которые могут иметь для них значение. Особенно важным является обязательство незамедлительно информировать другие потенциально затрагиваемые государства и компетентные международные организации о любых чрезвычайных ситуациях, возникающих на международном водотоке, таких как промышленные аварии, прорывы плотин или экстремальные погодные явления. Государство, на территории которого возникла чрезвычайная ситуация, обязано немедленно принять все практически осуществимые меры, необходимые для предотвращения, смягчения и ликвидации вредных последствий чрезвычайной ситуации, и при необходимости сотрудничать с потенциально затрагиваемыми государствами и международными организациями в принятии таких мер. В Центральной Азии существует острая необходимость в укреплении механизмов раннего предупреждения о наводнениях, селях и других стихийных бедствиях, связанных с водой, что особенно актуально для густонаселенных речных долин Узбекистана, где проживают миллионы людей, уязвимых к воздействию экстремальных гидрологических явлений, усугубляемых изменением климата и антропогенным воздействием на водосборные бассейны³⁷.

Экологические принципы занимают все более важное место в системе международного водного права. Принцип охраны и сохранения экосистем международных водотоков обязывает государства индивидуально и, в соответствующих случаях, совместно охранять и сохранять экосистемы международных водотоков³⁸. Это предполагает не только предотвращение загрязнения водных объектов, но и сохранение биологического разнообразия, поддержание экологически необходимого стока, защиту уязвимых водных экосистем и восстановление деградировавших участков водотоков.

³⁷ Махкамов Б. Р. У. Селепаводковые процессы в Узбекистане: комплексный анализ факторов, динамики, рисков и методов управления //Центральноазиатский журнал географических исследований. – 2025. – Т. 1. – №. 1-2. – С. 102-113.

³⁸ Бекашев К. А. Правовой режим международных водотоков //Lex russica (Русский закон). – 2009. – Т. 68. – №. 2. – С. 471-483.

Интеграция экологических требований в практику управления трансграничными водами становится императивом современного водного права и отражает общую тенденцию экологизации международного права в целом. Хельсинкская конвенция 1992 года уделяет особое внимание экологическим аспектам, требуя от государств-участников принимать все надлежащие меры для обеспечения того, чтобы трансграничные воды использовались разумным и справедливым образом с особым учетом их трансграничного характера в случае деятельности, которая вызывает или может вызвать трансграничное воздействие³⁹. Для Узбекистана экологические принципы имеют особое значение в связи с катастрофической ситуацией в зоне Аральского моря, высыхание которого привело к серьезным экологическим, социальным и экономическим последствиям для населения Каракалпакстана и других прилегающих регионов, что требует согласованных усилий всех государств бассейна по обеспечению экологически обоснованного стока в Аральское море и реализации мер по смягчению последствий экологической катастрофы.

Концепция экологического стока или экологически обоснованного минимального стока становится важным элементом современного управления водными ресурсами и находит отражение в международно-правовых документах и практике государств. Под экологическим стоком понимается количество и режим водных потоков, необходимых для поддержания водных экосистем и зависящих от них наземных экосистем, а также обеспечения их услуг и выгод⁴⁰. Определение величины экологического стока требует комплексного научного анализа с учетом биологических, гидрологических и социально-экономических факторов. В практике управления трансграничными водами все чаще используются методологии оценки экологического стока, разработанные международными научными организациями, что способствует более объективному обоснованию экологических требований к режиму водопользования. Однако реализация

³⁹ Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер от 17 марта 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1999. № 10. С. 3

⁴⁰ Ткачев Б. П., Булатов В. И. Малые реки: современное состояние и экологические проблемы // Экология. Серия аналитических обзоров мировой литературы. – 2002. – №. 64. – С. 1-114.

концепции экологического стока сталкивается с серьезными вызовами в регионах с высоким дефицитом воды, где удовлетворение экологических потребностей может входить в противоречие с экономическими интересами прибрежных государств. В бассейне Амударьи проблема обеспечения экологического стока стоит особенно остро, поскольку практически весь доступный сток реки уже распределен между государствами для хозяйственных нужд, и Аральское море фактически лишено притока пресной воды, что делает необходимым пересмотр сложившейся практики водопользования и выделение части стока для экологических целей, что Узбекистан поддерживает в рамках международных инициатив по спасению Арала⁴¹.

Принцип предосторожности, получивший широкое признание в международном экологическом праве, также применяется в контексте управления трансграничными водными ресурсами. Согласно этому принципу, отсутствие полной научной определенности не должно использоваться в качестве причины для отсрочки принятия мер по предотвращению деградации окружающей среды, когда существует угроза серьезного или необратимого ущерба⁴². Применительно к трансграничным водам это означает, что государства должны воздерживаться от деятельности, которая может причинить значительный трансграничный ущерб, даже если научные доказательства такого ущерба еще не являются окончательными. Принцип предосторожности особенно актуален в отношении новых видов загрязнения, долгосрочных экологических последствий крупных водохозяйственных проектов и влияния изменения климата на водные ресурсы, где степень научной неопределенности остается высокой.

Принцип устойчивого развития, хотя и не получил еще полного закрепления в договорной практике в области водного права, все более активно применяется в качестве руководящего начала при разработке политики и стратегий управления водными ресурсами. Этот принцип требует сбалансированного учета экологических,

⁴¹ Духовный В. А., Соколов В. И. Комплексное управление водными ресурсами в бассейне Аральского моря //Труды НИЦ МКВК. – 2000.

⁴² Рыженков А. Я. Принцип предосторожности в международном экологическом праве: теория и практика //Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания. – 2025. – Т. 4. – №. 2. – С. 27-37.

экономических и социальных аспектов водопользования, обеспечения потребностей нынешнего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои потребности в воде⁴³. Применительно к трансграничным водным ресурсам принцип устойчивого развития означает необходимость долгосрочного планирования, учета кумулятивного воздействия различных видов деятельности в бассейне реки и применения превентивного подхода к предотвращению экологического ущерба. Концепция устойчивого развития получила практическое воплощение в интегрированном управлении водными ресурсами, которое предполагает координированное развитие и управление водой, землей и связанными с ними ресурсами в целях максимизации экономического и социального благосостояния на справедливой основе без ущерба для устойчивости жизненно важных экосистем⁴⁴. Республика Узбекистан в 2022 году приняла Стратегию развития Нового Узбекистана на 2022 — 2026 годы, в которой вопросы рационального использования водных ресурсов, модернизации ирригационных систем и повышения водной эффективности определены в качестве приоритетных направлений государственной политики, что отражает приверженность страны принципам устойчивого развития в водной сфере⁴⁵.

Принцип участия общественности в принятии решений, касающихся водных ресурсов, хотя и не получил такого же уровня признания в международном водном праве, как другие принципы, становится все более важным элементом эффективного управления трансграничными водами. Орхусская конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, 1998 года закрепила право общественности на участие в экологически значимых решениях⁴⁶. Применительно к трансграничным

⁴³ Анисимов А. П. О некоторых особенностях реализации концепции устойчивого развития в российском экологическом законодательстве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – №. 2. – С. 58-63.

⁴⁴ Копылов С. М. Принцип предосторожности в международном экологическом праве: от зарождения до современного состояния // Актуальные проблемы современного международного права. – 2015. – С. 416-421.

⁴⁵ Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022 — 2026 годы», от 28.01.2022 г. № УП-60. // Национальная база данных законодательства 20.05.2025 г., № 06/25/87/0451.

⁴⁶ 2.3. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция) от 25 июня 1998 г. // Док. ООН ECE/CEP/43.

водам это означает необходимость обеспечения доступа заинтересованных лиц и организаций к информации о состоянии водных ресурсов, планируемых водохозяйственных проектах и их возможном воздействии, а также создания механизмов для учета мнения общественности при принятии решений. Участие общественности способствует повышению прозрачности процесса управления водными ресурсами, учету местных знаний и интересов, предотвращению конфликтов и повышению легитимности принимаемых решений.

Принцип "загрязнитель платит", широко признанный в экологическом праве, также находит применение в контексте трансграничных водных отношений. Этот принцип предполагает, что расходы на предотвращение, контроль и сокращение загрязнения должны нести те, кто вызывает загрязнение⁴⁷. В трансграничном контексте это означает, что государство, деятельность на территории которого приводит к загрязнению трансграничных вод, должно нести ответственность за предотвращение и ликвидацию такого загрязнения, а в случае причинения ущерба другим государствам – компенсировать этот ущерб. Однако практическая реализация этого принципа в международных отношениях сталкивается с серьезными трудностями, связанными с определением источников загрязнения, доказыванием причинно-следственной связи между деятельностью в одном государстве и ущербом в другом, а также расчетом размера компенсации.

Принцип интегрированного управления водными ресурсами на уровне речного бассейна получает все большее признание как наиболее эффективный подход к управлению трансграничными водами. Бассейновый принцип управления предполагает рассмотрение речного бассейна как единой гидрологической системы, требующей координированного управления независимо от политических границ⁴⁸. Этот подход противопоставляется традиционному секторальному и административно-

⁴⁷ Schwartz P. The polluter-pays principle //Research handbook on international environmental law. – Edward Elgar Publishing, 2010.

⁴⁸ Крутов А. Н. Международная практика совершенствования институциональных структур водного сектора //Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление. – 2020. – №. 3. – С. 19-38.

территориальному подходу к управлению водными ресурсами и требует создания специализированных органов управления на уровне бассейна, разработки комплексных планов управления, учитывающих взаимосвязь между различными видами водопользования, наземными и водными экосистемами, а также интересами всех заинтересованных сторон. Успешные примеры бассейнового управления трансграничными реками существуют в бассейнах Рейна, Дуная, Меконга и других крупных рек, где созданы эффективные институциональные механизмы координации⁴⁹.

Принцип гендерного равенства и учета интересов женщин в управлении водными ресурсами также начинает получать признание в международном водном праве. Дублинские принципы интегрированного управления водными ресурсами 1992 года признали, что женщины играют центральную роль в обеспечении, управлении и охране воды⁵⁰. Это особенно актуально для развивающихся стран, где женщины несут основную ответственность за обеспечение домохозяйств водой и страдают в наибольшей степени от дефицита воды и ее низкого качества. Учет гендерных аспектов в управлении трансграничными водными ресурсами предполагает обеспечение равного участия женщин и мужчин в процессах принятия решений, учет специфических потребностей женщин при планировании водохозяйственных проектов и признание традиционных знаний женщин в области управления водными ресурсами. В Узбекистане, где в сельской местности женщины традиционно играют важную роль в управлении водными ресурсами на уровне домохозяйств и в производстве сельскохозяйственной продукции, вопросы гендерного равенства в водном секторе приобретают особое значение, и правительство при поддержке международных организаций реализует программы по расширению участия женщин в ассоциациях водопользователей и процессах принятия решений на местном уровне.

⁴⁹ Schmeier S., Vogel B. Ensuring long-term cooperation over transboundary water resources through joint river basin management //Riverine ecosystem management: Science for governing towards a sustainable future. – Cham : Springer International Publishing, 2018. – С. 347-370.

⁵⁰ Xie M. Integrated water resources management (IWRM)–introduction to principles and practices //Africa Regional Workshop on IWRM, Nairobi, Oct. – 2006.

Принцип признания права человека на воду, хотя и не является специфическим принципом международного водного права, оказывает возрастающее влияние на регулирование трансграничных водных отношений. Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 64/292 от 28 июля 2010 года признала право на безопасную и чистую питьевую воду и санитарные услуги в качестве права человека, имеющего важнейшее значение для полноценной жизни и осуществления всех прав человека⁵¹. Признание права человека на воду накладывает на государства обязательства по обеспечению доступа населения к достаточному количеству безопасной, приемлемой, физически доступной и недорогой воды для личного и бытового использования. В контексте трансграничных водных отношений это означает, что при распределении водных ресурсов между различными видами использования приоритет должен отдаваться удовлетворению основных потребностей человека, а государства не должны своими действиями лишать население других государств доступа к воде, необходимой для осуществления права на воду. Для Узбекистана, где значительная часть сельского населения зависит от доступа к воде для питья, санитарии и ведения приусадебного хозяйства, признание права человека на воду имеет важное значение как в национальном контексте для обеспечения универсального доступа к безопасной питьевой воде, так и в региональном контексте для обоснования необходимости обеспечения справедливого распределения трансграничных водных ресурсов с учетом базовых потребностей населения всех государств бассейна.

Таким образом, международное водное право представляет собой динамично развивающуюся систему норм и принципов, призванных обеспечить справедливое, эффективное и экологически устойчивое использование трансграничных водных ресурсов. Основные принципы этой отрасли права отражают баланс между суверенными правами государств на использование водных ресурсов на своей территории и их обязанностью учитывать интересы других государств и сохранять

⁵¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 64/292 Право человека на воду и санитарии, от 28 июля 2010 года. <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n09/479/37/pdf/n0947937.pdf>

водные экосистемы для будущих поколений. В условиях нарастающего дефицита пресной воды и усиления конкуренции за водные ресурсы значение международного водного права будет только возрастать, требуя дальнейшего совершенствования правовых механизмов сотрудничества и урегулирования споров между государствами. Современные вызовы, такие как изменение климата, рост населения, урбанизация и увеличение потребления воды в сельском хозяйстве и промышленности, требуют развития более гибких и адаптивных правовых режимов управления трансграничными водами, способных эффективно реагировать на изменяющиеся условия и обеспечивать баланс между конкурирующими потребностями в воде при сохранении экологической целостности водных систем. Для Республики Узбекистан, как государства, критически зависящего от трансграничных водных ресурсов и столкнувшегося с серьезными вызовами в области водной безопасности, включая последствия Аральской катастрофы, дефицит воды, деградацию ирригационной инфраструктуры и необходимость адаптации к изменению климата, укрепление правовых основ трансграничного водного сотрудничества на основе универсальных принципов международного водного права с учетом региональной специфики Центральной Азии является стратегическим приоритетом национальной политики и необходимым условием устойчивого социально-экономического развития страны в долгосрочной перспективе.

1.2. Трансграничные водные ресурсы: правовая природа и особенности регулирования

Трансграничные водные ресурсы представляют собой одну из наиболее сложных категорий объектов международно-правового регулирования в силу их естественно-природных характеристик, экономического значения и политической чувствительности вопросов их использования. Правовая природа трансграничных вод определяется их физическим положением, пересекающим или образующим границы между двумя или более государствами, что создает объективную необходимость согласования

национальных интересов и выработки совместных подходов к управлению этими ресурсами. В отличие от других природных ресурсов, водные ресурсы обладают рядом специфических характеристик, включая текучесть, непрерывность движения, взаимосвязанность всех элементов водной системы и невозможность четкого разграничения водных масс по территориальному признаку, что предопределяет особый правовой режим их использования и охраны. Для государств Центральной Азии, включая Узбекистан, трансграничный характер основных водных артерий региона – рек Амударья и Сырдарья – является определяющим фактором национальной водной политики и регионального сотрудничества, поскольку формирование стока этих рек происходит в горных районах одних государств, а основное потребление воды осуществляется в равнинных районах других государств.

Понятие трансграничных водных ресурсов в международном праве не является однозначным и различные международные договоры, и доктринальные источники используют различную терминологию для обозначения этого явления. Конвенция ООН 1997 года оперирует термином «международный водоток», под которым понимается система поверхностных и подземных вод, составляющих в силу своей физической взаимосвязи единое целое и обычно имеющих общее окончание, части которых расположены в различных государствах⁵². Хельсинкская конвенция 1992 года использует термин «трансграничные воды», определяя их как любые поверхностные или подземные воды, которые обозначают, пересекают границы между двумя или более государствами или расположены на таких границах⁵³. Различия в терминологии отражают не только лингвистические особенности, но и различные концептуальные подходы к определению объекта правового регулирования: Конвенция ООН делает акцент на гидрологическом единстве водной системы, в то время как Хельсинкская конвенция подчеркивает факт пересечения или обозначения границы. В практике

⁵² Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков. Принята резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи от 21 мая 1997 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (дата обращения: 12.02.2025г.)

⁵³ Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер от 17 марта 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1999. № 10. С. 3-23.

государств Центральной Азии, включая Узбекистан, наиболее распространенным является термин «трансграничные водные ресурсы» или «воды межгосударственных источников», что закреплено в региональных соглашениях и национальном законодательстве стран региона.

Классификация трансграничных водных ресурсов может осуществляться по различным критериям, каждый из которых имеет определенное правовое значение. По географическому положению относительно государственных границ выделяют последовательные водотоки, пересекающие территории двух или более государств, и пограничные водотоки, протекающие по границе между государствами⁵⁴. Эта классификация имеет практическое значение для определения прав и обязанностей прибрежных государств: в случае последовательных водотоков особое значение приобретает проблема распределения водных ресурсов между государствами верхнего и нижнего течения, в то время как для пограничных водотоков актуальны вопросы совместного управления и равного использования водных ресурсов обоими прибрежными государствами. По гидрологическим характеристикам трансграничные воды подразделяются на поверхностные (реки, озера) и подземные (трансграничные водоносные горизонты), причем последние долгое время оставались вне сферы международно-правового регулирования и лишь в последние десятилетия стали объектом пристального внимания международного сообщества⁵⁵. В Центральной Азии основное внимание традиционно уделяется поверхностным водам, прежде всего рекам Амударья и Сырдарья, которые являются последовательными водотоками, формирующимися в горах Таджикистана и Кыргызстана и протекающими через территории Узбекистана, Туркменистана и Казахстана, что создает сложную систему взаимозависимости между государствами верхнего и нижнего течения.

⁵⁴ Фролова Н. Л., Самохин М. А. Трансграничные речные бассейны: единство природной системы и политическая фрагментация // Российское пограничье: вызовы соседства. – 2018. – С. 322-356.

⁵⁵ Зиганшина Д. Р. К вопросу о терминологии в международном и национальном водном праве // Научно-информационный МКБК. URL: <https://www.netess.ru> (дата обращения: 18.02. 2024).

Правовой режим трансграничных водных ресурсов определяется сочетанием принципа территориального суверенитета государств и принципа общности интересов всех прибрежных государств в отношении использования и охраны совместных вод. Каждое государство обладает суверенными правами на природные ресурсы, находящиеся на его территории, что закреплено в многочисленных международно-правовых документах, включая Устав ООН, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и международные договоры по окружающей среде⁵⁶. Однако в отношении трансграничных водных ресурсов суверенные права государств не являются абсолютными и ограничиваются обязательством не причинять значительного ущерба другим государствам и использовать воды справедливым и разумным образом с учетом интересов всех прибрежных государств. Это ограничение территориального суверенитета вытекает из физической природы водных ресурсов, которые не могут быть полностью подчинены контролю одного государства в силу их текучести и взаимосвязанности всех частей водной системы. Таким образом, правовой режим трансграничных вод основывается на концепции ограниченного территориального суверенитета, предполагающей баланс между правами государства на использование водных ресурсов на своей территории и его обязанностями перед другими государствами водотока. Для Узбекистана этот баланс имеет критическое значение, поскольку страна, находясь в среднем и нижнем течении Амударьи и Сырдарьи, зависит от решений, принимаемых государствами верхнего течения относительно использования водных ресурсов, и одновременно должна учитывать интересы Туркменистана и Казахстана, расположенных ниже по течению.

Особенностью правового регулирования трансграничных водных ресурсов является его многоуровневый характер, включающий универсальные международно-правовые нормы, региональные соглашения, двусторонние договоры между прибрежными государствами и национальное законодательство каждого государства водотока. На универсальном уровне основными источниками права являются

⁵⁶ Бекашев К. А. Международное право. Учебник для бакалавров. – М.: Проспект, 2019.

Конвенция ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года и Хельсинкская конвенция 1992 года, устанавливающие общие принципы и процедурные нормы, применимые к использованию трансграничных вод. Эти универсальные нормы создают рамочную основу для регулирования трансграничных водных отношений, но требуют конкретизации и адаптации к условиям конкретных речных бассейнов через заключение региональных и бассейновых соглашений. Региональные соглашения учитывают специфические гидрологические, экономические, социальные и политические условия конкретного региона и содержат более детальные нормы распределения водных ресурсов, организационные механизмы сотрудничества и процедуры разрешения споров. Двусторонние договоры между соседними государствами регулируют конкретные аспекты совместного использования пограничных водотоков или участков последовательных рек, проходящих через территории этих государств. Национальное законодательство каждого государства определяет внутренние механизмы реализации международных обязательств и регулирует деятельность национальных водопользователей. В Центральной Азии правовое регулирование использования трансграничных вод осуществляется на основе региональных соглашений, заключенных государствами после обретения независимости, включая Алматинское соглашение 1992 года о сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников⁵⁷, дополняемых двусторонними соглашениями и национальным законодательством, в том числе Законом Республики Узбекистан «О воде и водопользовании», регулирующим использование и охрану водных ресурсов на территории страны⁵⁸.

Одной из ключевых проблем правового регулирования трансграничных водных ресурсов является определение прав государств на использование воды. В

⁵⁷ Соглашение между Республикой Казахстан, Республикой Кыргызстан, Республикой Узбекистан, Республикой Таджикистан и Туркменистаном «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» Официальный сайт. URL: http://www.icwc-aral.uz/statute1_ru.htm (дата обращения: 12.02.2025г.)

⁵⁸ Закон Республики Узбекистан «О воде и водопользовании», от 06.05.1993 г. № 837-XII. // Национальная база данных законодательства 11.11.2024 г., № 03/24/995/0908.

международном праве сформировалась концепция, согласно которой ни одно государство не имеет исключительных прав на воды международного водотока, и каждое прибрежное государство имеет право на справедливую и разумную долю использования и выгод от водотока⁵⁹. Однако определение того, что является «справедливой и разумной» долей для каждого государства, представляет собой сложную задачу, требующую учета множества факторов, перечисленных в статье 6 Конвенции ООН 1997 года. Среди этих факторов: географические, гидрографические, гидрологические, климатические, экологические и другие факторы естественного характера; социальные и экономические потребности заинтересованных государств водотока; население, зависящее от водотока в каждом государстве водотока; последствия использования или видов использования водотока в одном государстве водотока для других государств водотока; существующее и потенциальное использование водотока; сохранение, защита, освоение и экономия использования водных ресурсов водотока и расходы на принимаемые с этой целью меры; наличие альтернатив конкретному запланированному или существующему виду использования. Применение этих критериев на практике требует проведения комплексных исследований, сбора и анализа обширной информации, а также политической воли к компромиссу со стороны всех заинтересованных государств. В бассейнах Амударьи и Сырдарьи вопрос о справедливом распределении водных ресурсов осложняется существенными различиями между государствами в структуре экономики, характере водопользования и исторически сложившихся практиках распределения воды. Узбекистан, как крупнейший потребитель воды в регионе с развитым орошаемым земледелием, обосновывает свои права на водные ресурсы необходимостью обеспечения продовольственной безопасности страны, высокой зависимостью населения от сельского хозяйства и историческими инвестициями в ирригационную

⁵⁹ Случевская Ю. А. Проблемы понятийного аппарата в международном водном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – №. 2 (63). – С. 134-139.

инфраструктуру, в то время как государства верхнего течения подчеркивают свои потребности в гидроэнергетике для экономического развития и право на развитие⁶⁰.

Особую сложность в правовом регулировании трансграничных водных ресурсов представляет соотношение между различными видами использования воды. Конвенция ООН 1997 года устанавливает, что в случае конфликта между видами использования особое внимание уделяется удовлетворению жизненно важных потребностей человека, однако не устанавливает четкой иерархии между другими видами использования, такими как ирригация, гидроэнергетика, промышленное водоснабжение, судоходство, рыболовство и рекреация⁶¹. Отсутствие четкой иерархии отражает признание того факта, что относительная важность различных видов использования может варьироваться в зависимости от конкретных условий каждого бассейна и должна определяться прибрежными государствами с учетом принципа справедливого и разумного использования. В то же время это создает почву для разногласий между государствами с различными приоритетами в использовании водных ресурсов. В Центральной Азии основной конфликт интересов существует между ирригационным использованием воды государствами нижнего течения, включая Узбекистан, и гидроэнергетическим использованием государствами верхнего течения – Таджикистаном и Кыргызстаном. Эти виды использования имеют различные требования к режиму стока: для ирригации необходим максимальный сток в вегетационный период (весна-лето), в то время как для производства электроэнергии наиболее выгоден зимний сток, когда спрос на электроэнергию максимален⁶². В советский период этот конфликт разрешался путем обмена водно-энергетическими ресурсами: государства верхнего течения обеспечивали летний сток для ирригации в обмен на поставки ископаемого топлива и электроэнергии из государств нижнего

⁶⁰ Abdullaev I. et al. Agricultural water use and trade in Uzbekistan: Situation and potential impacts of market liberalization //International Journal of Water Resources Development. – 2009. – Т. 25. – №. 1. – С. 47-63.

⁶¹ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков. Принята резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи от 21 мая 1997 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (Дата обращения: 22.04.2025г.)

⁶² Арсеньев Г. С. Основы управления гидрологическими процессами: водные ресурсы //СПб.: РГТМУ. – 2005.

течения в зимний период. После распада СССР эта система частично разрушилась, что привело к усилению напряженности в водно-энергетических отношениях региона⁶³.

Процедурные аспекты правового регулирования трансграничных водных ресурсов включают механизмы уведомления, консультаций, обмена информацией и разрешения споров. Обязательство уведомлять другие государства водотока о планируемых мерах, которые могут иметь значительное неблагоприятное воздействие, является одним из основных процедурных требований международного водного права и детально регламентировано в Конвенции ООН 1997 года⁶⁴. Уведомление должно содержать имеющиеся технические данные и информацию, включая результаты оценки воздействия на окружающую среду, позволяющие уведомляемым государствам оценить возможные последствия планируемых мер. Государства, получившие уведомление, имеют определенный срок (как правило, шесть месяцев) для изучения документации и направления своих замечаний и возражений⁶⁵. В течение периода уведомления и последующих консультаций уведомляющее государство должно воздерживаться от осуществления или разрешения осуществления планируемых мер без согласия уведомляемых государств. Эта процедура направлена на предотвращение односторонних действий, которые могут нанести ущерб интересам других государств водотока, и обеспечение учета их озабоченностей на стадии планирования проектов. В практике Центральной Азии соблюдение процедур уведомления и консультаций остается проблематичным, что приводит к напряженности в отношениях между государствами региона.

Обмен данными и информацией о состоянии водных ресурсов является необходимым условием эффективного управления трансграничными водами и составляет важную процедурную обязанность государств. Государства должны на регулярной основе обмениваться имеющимися данными и информацией

⁶³ Аюпов А. Н. Гидроэнергетический потенциал Центральной Азии в контексте евразийской интеграции //Россия и новые государства Евразии. – 2016. – №. 3. – С. 89-98.

⁶⁴ Теймуров Э. С. Международно-правовое регулирование рационального использования пресной воды: дис.... канд. юрид. наук: 12.00. 10: защищена 13.04. 2016. – 2015.

⁶⁵ Wambaugh E. Cases for Analysis: Materials for Practice in Reading and Stating Reported Cases, Composing Head-notes and Briefs, Criticising and Comparing Authorities, and Compiling Digests. – Little, Brown, and Company, 1894. – №. 5007-5012.

гидрологического, метеорологического, гидрогеологического и экологического характера, а также прогнозами состояния водных ресурсов⁶⁶. Своевременный и полный обмен информацией позволяет всем прибрежным государствам принимать обоснованные решения относительно использования водных ресурсов, планировать водохозяйственную деятельность и своевременно реагировать на чрезвычайные ситуации, такие как наводнения или засухи. Особое значение имеет обязательство незамедлительно информировать другие потенциально затрагиваемые государства о любых чрезвычайных ситуациях, возникающих на международном водотоке⁶⁷. В Центральной Азии существует система обмена гидрометеорологической информацией, унаследованная с советского периода, однако в последние годы эта система столкнулась с проблемами, связанными с недостаточным финансированием, устареванием оборудования и в некоторых случаях политизацией вопросов информационного обмена⁶⁸. Узбекистан выступает за модернизацию региональной системы мониторинга водных ресурсов, внедрение современных информационных технологий и обеспечение транспарентности и своевременности обмена данными между всеми государствами региона при поддержке международных организаций.

Институциональные механизмы управления трансграничными водными ресурсами играют критическую роль в практической реализации правовых норм и принципов международного водного права. Создание совместных органов управления водными ресурсами рассматривается международным сообществом как наиболее эффективный подход к обеспечению сотрудничества между прибрежными государствами⁶⁹. Такие органы могут принимать форму двусторонних или многосторонних комиссий, бассейновых организаций или специализированных агентств с различным объемом

⁶⁶ Stewart B. Measuring what we manage—the importance of hydrological data to water resources management //Proceedings of the International Association of Hydrological Sciences. – 2015. – Т. 366. – С. 80-85.

⁶⁷ Nanda V. P. The Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses: Draft Articles on Protection and Preservation of Ecosystems, Harmful Conditions and Emergency Situations, and Protection of Water Installations //Colo. J. Int'l Envtl. L. & Pol'y. – 1992. – Т. 3. – С. 175.

⁶⁸ Zhiltsov S. S. et al. Main problems of water resources use in Central Asia //Water Resources Management in Central Asia. – Cham : Springer International Publishing, 2020. – С. 77-98.

⁶⁹ Tarlock D. Promoting effective water management cooperation among riparian nations //Tech. Comm. Backgr. Paper. – 2015. – Т. 64.

полномочий – от чисто консультативных функций до принятия обязательных решений по распределению водных ресурсов и разрешению споров. Успешные примеры совместного управления трансграничными водами включают Международную комиссию по защите Рейна, Международную комиссию по охране Дуная, комиссию по реке Меконг и другие бассейновые организации, которые способствовали предотвращению конфликтов и обеспечению устойчивого использования водных ресурсов⁷⁰. Эффективность институциональных механизмов зависит от нескольких факторов: четкого определения мандата и полномочий совместных органов, адекватного финансирования их деятельности, обеспечения политической поддержки на высшем уровне, привлечения квалифицированных специалистов и создания механизмов участия заинтересованных сторон. В Центральной Азии основными институциональными механизмами водного сотрудничества являются Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК) и два Бассейновых водохозяйственных объединения – БВО «Амударья» и БВО «Сырдарья», созданные еще в советский период и реорганизованные после обретения независимости государствами региона⁷¹. Однако эффективность этих механизмов ограничена рядом факторов, включая недостаточные полномочия для принятия обязательных решений, слабую финансовую базу, зависимость от политической воли государств-членов и отсутствие действенных механизмов обеспечения исполнения принимаемых решений.

Проблема разрешения споров, связанных с использованием трансграничных водных ресурсов, является одним из наиболее чувствительных аспектов правового регулирования в этой области. Международное право предлагает широкий спектр мирных средств разрешения международных споров, включая переговоры, добрые услуги, посредничество, следственные и согласительные комиссии, арбитраж и судебное разбирательств. Конвенция ООН 1997 года устанавливает приоритет

⁷⁰ Jekel H. Integrated water resources management as a tool to prevent or mitigate transboundary impact //The UNECE Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes. – Brill Nijhoff, 2015. – С. 228-248.

⁷¹ Каюмов А. Эффективность работы водохозяйственных организаций в бассейне Сырдарьи //Central Asian Journal of Water Research (CAJWR) Центральноазиатский журнал исследований водных ресурсов. – 2017. – Т. 2. – №. 1. – С. 1751.

переговоров как основного метода урегулирования споров относительно толкования или применения Конвенции, но предусматривает также возможность обращения к беспристрастным установлению фактов, посредничеству или примирению, а в случае недостижения согласия – к арбитражу или передаче спора в Международный Суд ООН⁷². На практике большинство споров, связанных с трансграничными водами, разрешается путем двусторонних или многосторонних переговоров, поскольку государства предпочитают дипломатические методы урегулирования обращению в международные судебные инстанции, которое может привести к обострению отношений. Однако в некоторых случаях, когда переговоры заходят в тупик, государства обращались к международному арбитражу или в Международный Суд ООН, как, например, в деле о целлюлозных заводах на реке Уругвай между Аргентиной и Уругваем или в споре между Венгрией и Словакией о проекте Габчикова-Надьмарош на Дунае⁷³. Эти судебные решения внесли важный вклад в развитие международного водного права, уточнив содержание основных принципов и процедурных обязательств государств. В Центральной Азии споры, связанные с использованием трансграничных водных ресурсов, до сих пор не становились предметом рассмотрения в международных судебных инстанциях, и государства региона предпочитают разрешать разногласия путем двусторонних и многосторонних консультаций в рамках региональных организаций. Узбекистан последовательно выступает за мирное разрешение всех споров, связанных с водными ресурсами, путем переговоров и консультаций на основе принципов международного права, однако подчеркивает необходимость укрепления правовой базы регионального сотрудничества и создания эффективных механизмов предотвращения и урегулирования водных конфликтов в Центральной Азии.

Экологические аспекты правового регулирования трансграничных водных ресурсов приобретают все большее значение в свете глобального экологического кризиса и нарастающей деградации водных экосистем во многих регионах мира.

⁷² Пейсли Р. К. Международные водотоки, международное водное право и Центральная Азия // *Central Asian Journal of Water Research*. – 2018. – Т. 4. – №. 2-2. – С. 25-51.

⁷³ Fitzmaurice M. The Gabčíkovo-Nagymaros Case and Water Law // *Hungarian YB Int'l L. & Eur. L.* – 2022. – С. 50.

Современное международное водное право требует от государств не только справедливого распределения водных ресурсов для удовлетворения хозяйственных нужд, но и обеспечения охраны и сохранения экосистем международных водотоков. Это обязательство включает предотвращение, сокращение и контроль загрязнения водотоков, которое может причинить значительный вред другим государствам или окружающей среде, защиту и сохранение морской среды, включая устья рек, введение новых или чужеродных видов в международный водоток, которое может оказать пагубное воздействие на экосистему водотока⁷⁴. Особое значение имеет концепция экологического стока, предполагающая выделение определенного количества воды для поддержания функционирования водных и прибрежных экосистем и обеспечения экологических услуг, которые эти экосистемы предоставляют⁷⁵. Определение величины экологического стока требует проведения комплексных научных исследований и должно учитывать потребности всех компонентов экосистемы, включая водную флору и фауну, прибрежную растительность и дикую природу, зависящую от водных ресурсов. В бассейнах Амударьи и Сырдарьи экологические проблемы стоят особенно остро в связи с катастрофическим высыханием Аральского моря, которое является прямым следствием чрезмерного забора воды из этих рек на ирригационные нужды в течение советского периода и в последующие годы⁷⁶. Экологическая катастрофа Арала привела к серьезным последствиям для здоровья населения, деградации природных экосистем, опустыниванию обширных территорий и экономическому упадку регионов, непосредственно затронутых кризисом. Узбекистан, на территории которого находится значительная часть высохшего дна Аральского моря и который наиболее серьезно пострадал от экологических последствий катастрофы, придает первостепенное значение мерам по смягчению последствий кризиса и выступает за обеспечение экологически

⁷⁴ Kennish M. J. Environmental threats and environmental future of estuaries //Environmental conservation. – 2002. – Т. 29. – №. 1. – С. 78-107.

⁷⁵ Dyson M. et al. Flow: the essentials of environmental flows //IUCN, Gland, Switzerland and Cambridge, UK. – 2003. – С. 20-87.

⁷⁶ Духовный В. А., Соколов В. И. Комплексное управление водными ресурсами в бассейне Аральского моря //Труды НИЦ МКВК. – 2000.

обоснованного стока в Аральское море в рамках региональных программ, реализуемых под эгидой Международного фонда спасения Арала.

Влияние изменения климата на трансграничные водные ресурсы становится одним из важнейших вызовов для международного водного права в XXI веке. Изменение климата оказывает существенное воздействие на гидрологический режим рек, приводя к изменению объемов стока, увеличению частоты и интенсивности экстремальных явлений, таких как наводнения и засухи, изменению сезонного распределения стока и ускоренному таянию ледников, которые являются важным источником питания многих рек в горных регионах⁷⁷. Эти изменения создают дополнительные сложности для управления трансграничными водными ресурсами и требуют адаптации существующих правовых режимов и институциональных механизмов к новым условиям. Принцип справедливого и разумного использования должен применяться с учетом изменяющихся гидрологических условий и может требовать пересмотра исторически сложившихся схем распределения водных ресурсов. Государства должны сотрудничать в области мониторинга воздействия изменения климата на водные ресурсы, разработки совместных стратегий адаптации и обмена информацией о климатических прогнозах и их последствиях для водообеспечения⁷⁸. В Центральной Азии воздействие изменения климата на водные ресурсы проявляется в виде ускоренного таяния ледников в горах Тянь-Шаня и Памира, которые питают реки Амударья и Сырдарья, изменения режима осадков, учащения засух и других экстремальных явлений⁷⁹. Научные прогнозы указывают на то, что в долгосрочной перспективе изменение климата может привести к сокращению общего объема стока этих рек, что еще больше усилит конкуренцию за водные ресурсы между государствами региона и потребует выработки новых подходов к распределению и использованию воды. Узбекистан активно участвует в региональных и международных инициативах по адаптации к изменению климата в водном секторе,

⁷⁷ Döll P., Schmied H. M. How is the impact of climate change on river flow regimes related to the impact on mean annual runoff? A global-scale analysis //Environmental Research Letters. – 2012. – Т. 7. – №. 1. – С. 014037.

⁷⁸ Ludwig F., van Slobbe E., Cofino W. Climate change adaptation and Integrated Water Resource Management in the water sector //Journal of Hydrology. – 2014. – Т. 518. – С. 235-242.

⁷⁹ Орловский Н. С. и др. Изменение климата и водные ресурсы Центральной Азии //Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2019. – №. 1. – С. 56-78.

включая проекты по модернизации ирригационных систем, внедрению водосберегающих технологий и диверсификации сельского хозяйства в целях снижения водоемкости производства⁸⁰.

Экономические аспекты правового регулирования трансграничных водных ресурсов включают вопросы оценки стоимости воды, распределения издержек и выгод от использования водных ресурсов, а также финансирования совместных водохозяйственных проектов. Традиционно вода рассматривалась как свободно доступный природный ресурс, однако растущий дефицит воды и увеличение издержек на ее подготовку, транспортировку и очистку привели к признанию того, что вода имеет экономическую ценность и должна рассматриваться как экономическое благо⁸¹. Дублинские принципы 1992 года признали, что вода имеет экономическую ценность во всех ее конкурирующих видах использования и должна признаваться в качестве экономического товара⁸². Однако применение экономических подходов к управлению водными ресурсами должно сочетаться с признанием основных прав человека на воду и недопустимостью лишения населения доступа к воде по экономическим причинам⁸³. В контексте трансграничных вод экономические вопросы включают проблему компенсации государствам верхнего течения за услуги по регулированию стока, которые они обеспечивают в интересах государств нижнего течения, распределение издержек на охрану водных ресурсов от загрязнения и деградации, а также финансирование совместной инфраструктуры и институциональных механизмов управления водными ресурсами⁸⁴. В Центральной Азии экономические аспекты водопользования тесно связаны с энергетическим сектором и включают вопросы оплаты за регулирование стока водохранилищами верхнего течения, компенсации за летние

⁸⁰ Узбекистан У. П. Р. Об утверждении концепции развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020–2030 годы //Национальная база данных законодательства. – 2020. – Т. 11.

⁸¹ Лихачева А. Б. Проблема пресной воды как структурный фактор мировой экономики //Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 17. – №. 3. – С. 497-523.

⁸² Van der Zaag P., Savenije H. H. G. Water as an economic good: the value of pricing and the failure of markets. – Unesco-IHE, 2006. – С. 1-32.

⁸³ Антонова А. В. Разработка методического подхода к оценке доступности питьевой воды на уровне региона : дис. – Кемерово, 2016.-245 с, 2016.

⁸⁴ McIntyre O. Benefit-sharing and upstream/downstream cooperation for ecological protection of transboundary waters: opportunities for China as an upstream state //Transboundary Water Cooperation. – Routledge, 2018. – С. 196-218.

попуски воды для ирригации и формирования механизмов финансирования совместных водохозяйственных проектов⁸⁵. В советский период эти вопросы решались в рамках единой плановой экономики через механизм взаимных поставок энергоносителей, однако после распада СССР и перехода к рыночной экономике потребовалась выработка новых экономических механизмов регулирования водно-энергетических отношений, что оказалось сложной задачей из-за различий в экономических системах и интересах государств региона. Узбекистан поддерживает разработку справедливых экономических механизмов, обеспечивающих баланс интересов всех государств региона и стимулирующих эффективное и рациональное использование водных и энергетических ресурсов.

Таким образом, трансграничные водные ресурсы представляют собой уникальную категорию объектов международно-правового регулирования, характеризующуюся сложным переплетением естественно-природных, экономических, социальных, экологических и политических аспектов. Правовая природа трансграничных вод определяется их физическими характеристиками, пересекающими государственные границы, и невозможностью полного подчинения контролю одного государства, что требует согласования интересов всех прибрежных государств на основе принципов справедливого и разумного использования, непричинения значительного ущерба и сотрудничества. Особенности правового регулирования включают многоуровневый характер нормативной базы, сочетание материальных и процедурных норм, необходимость создания институциональных механизмов совместного управления и важность экономических и экологических соображений при распределении водных ресурсов. Современные вызовы, такие как изменение климата, рост населения, увеличение водопотребления и деградация водных экосистем, требуют дальнейшего развития международного водного права и укрепления механизмов трансграничного сотрудничества. Для Республики Узбекистан эффективное правовое регулирование

⁸⁵ Sorg A. et al. Coping with changing water resources: The case of the Syr Darya river basin in Central Asia //Environmental Science & Policy. – 2014. – Т. 43. – С. 68-77.

использования трансграничных водных ресурсов Амударьи и Сырдарьи является вопросом национальной безопасности и устойчивого развития, что требует активного участия страны в совершенствовании региональных механизмов водного сотрудничества на основе универсальных принципов международного водного права с учетом специфических условий и потребностей Центральной Азии.

1.3. Принцип справедливого и разумного использования водных ресурсов в международном праве

Принцип справедливого и разумного использования водных ресурсов является основополагающим началом современного международного водного права и представляет собой результат длительной эволюции доктрины и практики государств в области регулирования трансграничных водных отношений. Этот принцип отражает фундаментальное признание того, что все государства, через территорию которых протекает международный водоток или которые граничат с ним, имеют право использовать водные ресурсы для удовлетворения своих потребностей, но это право не является абсолютным и должно осуществляться с учетом прав и законных интересов других прибрежных государств. Справедливое и разумное использование предполагает достижение баланса между конкурирующими видами использования воды различными государствами и секторами экономики, учет как текущих, так и будущих потребностей в воде, а также обеспечение устойчивости водных ресурсов и связанных с ними экосистем для настоящего и будущих поколений. Формирование этого принципа стало возможным благодаря постепенному отказу от крайних доктрин абсолютного территориального суверенитета и абсолютной территориальной целостности в пользу концепции ограниченного территориального суверенитета, признающей взаимозависимость государств, совместно использующих водные ресурсы⁸⁶. Для Республики Узбекистан принцип справедливого и разумного использования имеет

⁸⁶ Бабурин С. Мир империй. Территория государства и мировой порядок. – ЛитРес, Юридический центр Пресс, 2015.

ключевое значение как правовая основа для защиты национальных интересов в области водопользования и обоснования требований страны к обеспечению достаточного водоснабжения для удовлетворения потребностей орошаемого земледелия, промышленности и коммунально-бытового сектора в условиях растущей конкуренции за ограниченные водные ресурсы бассейнов Амударьи и Сырдарьи.

Исторические корни принципа справедливого и разумного использования можно проследить до середины XIX века, когда стали появляться первые международные договоры, регулирующие использование судоходных рек в Европе и Северной Америке. Венский конгресс 1815 года и последующие соглашения по европейским рекам, таким как Рейн и Дунай, заложили основы международного сотрудничества в использовании трансграничных водотоков, хотя первоначально эти соглашения касались преимущественно вопросов судоходства⁸⁷. Постепенно международная практика стала признавать необходимость регулирования и несудоходных видов использования водных ресурсов, таких как ирригация, производство электроэнергии и промышленное водоснабжение. Важную роль в развитии принципа справедливого и разумного использования сыграла арбитражная и судебная практика по международным водным спорам. Решение по делу между Испанией и Францией о реке Ланю (1957 год) признало право прибрежных государств на разумное использование вод международных рек⁸⁸. Арбитражное решение по спору между США и Канадой относительно плавильного завода Трейл (1941 год), хотя и не касалось непосредственно использования водных ресурсов, установило важный принцип, согласно которому государство не может использовать свою территорию таким образом, чтобы причинять ущерб территории другого государства, что впоследствии было распространено на регулирование использования трансграничных вод⁸⁹. Арбитражное решение по спору между Францией

⁸⁷ Schmid M. et al. 26 The Danube: On the Environmental History, Present, and Future of a Great European River. – 2023.

⁸⁸ Bourne C. B. The right to utilize the waters of international rivers //Canadian Yearbook of International Law/Annuaire canadien de droit international. – 1965. – Т. 3. – С. 187-264.

⁸⁹ Rubin A. P. Pollution by Analogy: The Trail Smelter Arbitration //Or. L. Rev. – 1970. – Т. 50. – С. 259.

и Испанией о водах озера Ланю (1957 год) прямо признало, что прибрежные государства имеют право на разумную долю использования вод международных водотоков⁹⁰.

Кодификация принципа справедливого и разумного использования началась с работы Института международного права, который в 1911 году принял Мадридскую декларацию, касающуюся международного регулирования использования международных водотоков для целей, отличных от судоходства. Декларация признала право каждого прибрежного государства использовать воды международной реки для нужд своей территории, но с условием, что это использование не должно серьезно затрагивать использование воды другими прибрежными государствами⁹¹. Важнейшим этапом в развитии принципа стало принятие Хельсинкских правил об использовании вод международных рек Ассоциацией международного права в 1966 году. Статья IV Хельсинкских правил установила, что каждое государство бассейна имеет право в пределах своей территории на разумную и справедливую долю в благоприятном использовании вод международного бассейна⁹². Хельсинкские правила содержали перечень факторов, которые должны учитываться при определении того, что является разумным и справедливым использованием, включая географию бассейна, гидрологию, климат, прошлое использование вод, экономические и социальные нужды каждого государства бассейна, население, зависящее от вод, сравнительные издержки альтернативных средств удовлетворения экономических и социальных нужд, доступность других ресурсов, предотвращение ненужных потерь в использовании вод бассейна, и степень, в которой потребности государства могут быть удовлетворены без причинения существенного вреда другому государству бассейна. Хотя Хельсинкские правила не имели обязательной юридической силы, они оказали значительное влияние на последующее развитие международного водного права и послужили основой для

⁹⁰ Laylin J. G., Bianchi R. L. The role of adjudication in international river disputes: the Lake Lanoux case //American Journal of International Law. – 1959. – Т. 53. – №. 1. – С. 30-49.

⁹¹ Lazerwitz D. J. The flow of international water law: The international law commission's law of the non-navigational uses of international watercourses //Indiana Journal of Global Legal Studies. – 1993. – С. 247-271.

⁹² Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер от 17 марта 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1999. № 10. С. 3-23.

работы Комиссии международного права ООН по кодификации права международных водотоков.

Конвенция ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года закрепила принцип справедливого и разумного использования в качестве центрального элемента международного водного права. Статья 5 Конвенции устанавливает, что государства водотока в пределах своих соответствующих территорий используют международный водоток справедливым и разумным образом, и что, в частности, международный водоток используется и осваивается государствами водотока с целью достижения оптимального и устойчивого использования водотока и получения от него выгод с учетом интересов соответствующих государств водотока, совместимых с обеспечением адекватной охраны водотока⁹³. Конвенция подчеркивает, что справедливое и разумное использование предполагает участие государств водотока в использовании, освоении и охране международного водотока на справедливой и разумной основе, включая как право использовать водоток, так и обязанность сотрудничать в его охране и освоении. Статья 6 Конвенции содержит открытый перечень факторов, относящихся к справедливому и разумному использованию, включая географические, гидрографические, гидрологические, климатические, экологические и другие факторы естественного характера; социальные и экономические потребности заинтересованных государств водотока; население, зависящее от водотока в каждом государстве водотока; последствия использования или видов использования водотока в одном государстве водотока для других государств водотока; существующее и потенциальное использование водотока; сохранение, защита, освоение и экономия использования водных ресурсов водотока и расходы на принимаемые с этой целью меры; наличие альтернатив конкретному запланированному или существующему виду использования. Важно отметить, что Конвенция не устанавливает иерархии между этими факторами и не предлагает математической формулы для расчета справедливой

⁹³ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков от 21 мая 1997 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (дата обращения: 10.01.2025).

доли каждого государства, признавая тем самым, что определение справедливого и разумного использования должно осуществляться на основе всестороннего анализа всех относящихся к делу обстоятельств конкретного случая.

Понятия «справедливости» и «разумности» в контексте использования водных ресурсов, хотя и тесно взаимосвязаны, имеют различное содержание и отражают различные аспекты правомерного водопользования. Справедливость относится к распределительному аспекту использования водных ресурсов и предполагает, что каждое государство должно получить свою долю воды и выгод от водотока пропорционально всем относящимся к делу факторам, включая его вклад в формирование стока, зависимость от водных ресурсов, исторические инвестиции и социально-экономические потребности⁹⁴. Справедливость не означает равенства в арифметическом смысле – равного деления воды между государствами независимо от их потребностей и условий, а предполагает учет всех объективных и субъективных факторов, влияющих на законные интересы каждого государства в использовании водотока. Разумность относится к способу использования водных ресурсов и требует, чтобы использование осуществлялось рационально, эффективно, без расточительства и с применением наилучших доступных технологий и практик управления водными ресурсами. Разумное использование предполагает минимизацию потерь воды, максимизацию полезного эффекта от каждой единицы используемой воды, учет экологических требований и долгосрочной устойчивости водных ресурсов. Таким образом, принцип справедливого и разумного использования объединяет два измерения: «сколько» воды может использовать каждое государство (справедливость) и «как» эта вода должна использоваться (разумность). В контексте Центральной Азии применение принципа справедливого и разумного использования требует учета как исторически сложившихся практик водопользования, так и современных требований эффективности и устойчивости. Узбекистан, обосновывая свои права на водные ресурсы Амударьи и

⁹⁴ Peña H. Social equity and integrated water resources management. – Stockholm : Global Water Partnership, Technical Committee (TEC), 2011. – №. 15.

Сырдарьи, ссылаясь на критическую зависимость национальной экономики и продовольственной безопасности от орошаемого земледелия, многомиллионное население, чье благосостояние зависит от сельского хозяйства, огромные инвестиции в ирригационную инфраструктуру, созданную в течение десятилетий, и исторически установившиеся объемы водопользования, одновременно предпринимая значительные усилия по повышению эффективности использования воды через модернизацию ирригационных систем и внедрение водосберегающих технологий.

Применение принципа справедливого и разумного использования на практике сталкивается с рядом сложностей концептуального и методологического характера. Первая проблема связана с множественностью и разнородностью факторов, которые должны учитываться при определении справедливой доли каждого государства, и отсутствием четких критериев для взвешивания и балансирования этих факторов. Различные государства могут придавать различное значение тем или иным факторам в зависимости от своих интересов: государства верхнего течения могут подчеркивать значение своего вклада в формирование стока и права на развитие, в то время как государства нижнего течения указывают на исторически сложившиеся практики использования воды и зависимость населения и экономики от ирригации. Вторая проблема связана с динамическим характером многих факторов, определяющих справедливое и разумное использование: население, экономические потребности, технологии использования воды, климатические условия и гидрологический режим меняются со временем, что требует периодического пересмотра и корректировки схем распределения водных ресурсов. Однако государства, получающие выгоду от существующих схем распределения, как правило, сопротивляются их изменению, ссылаясь на приобретенные права и необходимость стабильности и предсказуемости водопользования. Третья проблема касается отсутствия единого механизма или авторитетного органа для определения того, что является справедливым и разумным использованием в каждом конкретном случае. В отличие от некоторых других областей международного права, где существуют судебные или арбитражные инстанции,

регулярно разрешающие споры и развивающие правовые нормы, в международном водном праве большинство споров разрешается путем переговоров между заинтересованными государствами, и лишь в редких случаях государства обращаются к международному арбитражу или в Международный Суд ООН⁹⁵.

Соотношение принципа справедливого и разумного использования с принципом непричинения значительного ущерба является одним из наиболее дискуссионных вопросов международного водного права и было предметом острых разногласий при разработке Конвенции ООН 1997 года⁹⁶. Принцип непричинения значительного ущерба, закрепленный в статье 7 Конвенции, обязывает государства водотока принимать все надлежащие меры для предотвращения причинения значительного ущерба другим государствам водотока при использовании международного водотока на своей территории⁹⁷. Возникает вопрос: что должно происходить, если справедливое и разумное использование водотока одним государством тем не менее причиняет значительный ущерб другому государству? Государства нижнего течения, как правило, настаивают на приоритете принципа непричинения ущерба, утверждая, что любое использование, причиняющее значительный ущерб, автоматически является несправедливым и неразумным. Государства верхнего течения, напротив, подчеркивают первичность принципа справедливого и разумного использования, указывая, что некоторый ущерб неизбежен при совместном использовании ограниченных водных ресурсов, и что абсолютное применение принципа непричинения ущерба фактически дало бы государствам нижнего течения право вето на любое развитие в верховьях реки⁹⁸. Компромисс, достигнутый в Конвенции ООН 1997 года, заключается в том, что статья 7 подчиняет обязательство не причинять значительного ущерба принципу справедливого и разумного использования, закрепленному в статьях 5 и 6. Это означает, что если

⁹⁵ Laylin J. G., Bianchi R. L. The role of adjudication in international river disputes: the Lake Lanoux case //American Journal of International Law. – 1959. – Т. 53. – №. 1. – С. 30-49.

⁹⁶ McIntyre O. The principle of equitable and reasonable utilisation //The UNECE Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes. – Brill Nijhoff, 2015. – С. 146-159.

⁹⁷ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков от 21 мая 1997 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (дата обращения: 10.01.2025).

⁹⁸ Tanzi A. M. The inter-relationship between no harm, equitable and reasonable utilisation and cooperation under international water law //International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. – 2020. – Т. 20. – №. 4. – С. 619-629.

справедливое и разумное использование водотока одним государством причиняет значительный ущерб другому государству, причиняющее ущерб государство не обязано немедленно прекращать такое использование, но должно в консультации с затрагиваемым государством принять все надлежащие меры для устранения или смягчения такого ущерба и, где это уместно, обсудить вопрос о компенсации. Таким образом, Конвенция признает приоритет принципа справедливого и разумного использования, но устанавливает процедурные обязательства для государств, чье использование причиняет ущерб другим государствам. В практике Центральной Азии вопрос о соотношении этих двух принципов имеет особую актуальность в связи с планами строительства крупных гидроэнергетических объектов в верховьях Амударьи и Сырдарьи.

Практическая реализация принципа справедливого и разумного использования требует наличия достоверной и полной информации о водных ресурсах, их использовании различными государствами и секторами, а также о потребностях всех заинтересованных сторон. Информационная основа включает гидрологические данные о стоке рек, осадках, испарении, запасах подземных вод; данные о качестве воды и источниках загрязнения; информацию о существующем и планируемом использовании воды для различных целей; данные о населении, зависящем от водных ресурсов; оценки социально-экономических последствий различных вариантов распределения воды; прогнозы воздействия изменения климата на водные ресурсы⁹⁹. Сбор, обработка и обмен этой информацией между государствами водотока является необходимым условием для объективного определения справедливых и разумных долей каждого государства и предотвращения споров, основанных на неполной или искаженной информации. Конвенция ООН 1997 года в статье 9 обязывает государства водотока на регулярной основе обмениваться имеющимися данными и информацией о состоянии водотока, в частности гидрологического, метеорологического, гидрогеологического и

⁹⁹ Machiwal D., Jha M. K. Time series analysis of hydrologic data for water resources planning and management: a review //Journal of Hydrology and Hydromechanics. – 2006. – Т. 54. – №. 3. – С. 237-257.

экологического характера и связанного с этим прогноза¹⁰⁰. В Центральной Азии система мониторинга и обмена информацией о водных ресурсах, унаследованная с советского периода, в последние годы столкнулась с серьезными проблемами, связанными с недостаточным финансированием, устареванием оборудования и в некоторых случаях политизацией информационного обмена. Некоторые государства задерживают предоставление информации или предоставляют неполные данные, что затрудняет планирование водопользования и создает почву для взаимных подозрений и обвинений.

Роль международных судебных и арбитражных органов в толковании и применении принципа справедливого и разумного использования остается ограниченной в силу того, что государства редко передают водные споры на рассмотрение третьих сторон, предпочитая разрешать их путем переговоров. Тем не менее, несколько важных дел, рассмотренных Международным Судом ООН и международными арбитражами, внесли значительный вклад в уточнение содержания этого принципа. Решение Международного Суда ООН по делу о проекте Габчикова-Надьмарош между Венгрией и Словакией (1997 год) подтвердило фундаментальное значение принципа справедливого и разумного использования и указало, что этот принцип должен применяться с учетом изменяющихся обстоятельств, включая экологические соображения и концепцию устойчивого развития¹⁰¹. Суд отметил, что со временем могут меняться относительные приоритеты различных видов использования водных ресурсов, и что справедливое распределение воды должно учитывать эти изменения. Решение по делу о целлюлозных заводах на реке Уругвай между Аргентиной и Уругваем (2010 год) подчеркнуло процедурные аспекты принципа справедливого и разумного использования, указав на необходимость проведения экологической оценки воздействия для проектов, которые могут иметь значительное трансграничное

¹⁰⁰ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков от 21 мая 1997 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁰¹ Абатурова В. А. Применение отраслевых принципов международного экологического права для системного толкования норм экономических и экологических соглашений // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). – 2024. – Т. 2. – №. 1. – С. 38–57–38–57.

воздействие¹⁰². Суд также подчеркнул важность сотрудничества и консультаций между прибрежными государствами как неотъемлемого элемента справедливого и разумного использования. Арбитражное решение по спору между Нидерландами и Бельгией относительно забора воды из реки Маас (Меконг) (2005 год) рассматривало вопрос о соотношении исторических прав и современных потребностей в контексте справедливого распределения водных ресурсов¹⁰³. Эти решения, хотя и относятся к конкретным региональным ситуациям, имеют общее значение для развития международного водного права и могут служить ориентиром для государств Центральной Азии при разрешении водных споров.

Современные вызовы и тенденции в области применения принципа справедливого и разумного использования включают необходимость интеграции экологических соображений, учета воздействия изменения климата, признания права человека на воду и обеспечения участия заинтересованных сторон в процессе принятия решений о распределении водных ресурсов. Экологическое измерение принципа справедливого и разумного использования получает все большее признание в международной практике и отражено в Берлинских правилах об водных ресурсах, принятых Ассоциацией международного права в 2004 году, которые требуют, чтобы государства управляли водами устойчивым образом и обеспечивали защиту водных экосистем¹⁰⁴. Это означает, что при определении справедливых долей различных государств и видов использования должны учитываться потребности водных экосистем в воде (экологический сток), необходимый для поддержания их структуры и функций. Воздействие изменения климата на водные ресурсы создает новые вызовы для применения принципа справедливого и разумного использования, поскольку меняющиеся гидрологические условия могут требовать пересмотра существующих схем распределения воды. Увеличение изменчивости стока, учащение засух и наводнений, изменение сезонного

¹⁰² Боклан Д. С. Практика разрешения Международным судом ООН споров, вытекающих из международных экологических и международных экономических отношений //Международное правосудие. – 2014. – №. 2 (10). – С. 99-105.

¹⁰³ Warner J. F. Of river linkage and issue linkage: Transboundary conflict and cooperation on the River Meuse //Environmental Security in Transnational Contexts. – Routledge, 2019. – С. 89-114.

¹⁰⁴ Зиганшина Д. Р. К вопросу о терминологии в международном и национальном водном праве //Научно-информационный МКБК. URL: <https://www.netess.ru> (дата обращения: 18.02. 2021).

распределения стока требуют более гибких и адаптивных подходов к управлению водными ресурсами. Признание права человека на воду, закрепленное в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 64/292 от 2010 года, также влияет на применение принципа справедливого и разумного использования, требуя приоритетного обеспечения доступа к воде для удовлетворения основных потребностей человека¹⁰⁵. Это означает, что при распределении ограниченных водных ресурсов между различными видами использования приоритет должен отдаваться питьевому водоснабжению и санитарии перед хозяйственными видами использования. Участие общественности и заинтересованных сторон в процессе принятия решений о распределении водных ресурсов становится важным элементом справедливого управления водами, обеспечивая учет интересов местных сообществ, уязвимых групп населения и будущих поколений.

Региональные подходы к реализации принципа справедливого и разумного использования различаются в зависимости от гидрологических, экономических, политических и культурных особенностей каждого региона. В Европе, где существует давняя традиция трансграничного водного сотрудничества, принцип справедливого и разумного использования реализуется через систему бассейновых соглашений и организаций, таких как Международная комиссия по защите Рейна и Международная комиссия по охране Дуная, которые разработали детальные схемы распределения водных ресурсов и механизмы координации водопользования¹⁰⁶. В Африке реализация этого принципа осложняется слабостью институциональных механизмов, ограниченностью финансовых и технических ресурсов, а также в некоторых случаях политической нестабильностью, хотя существуют успешные примеры сотрудничества, такие как Инициатива по бассейну реки Нил¹⁰⁷. В Азии подходы к трансграничному водному сотрудничеству сильно различаются: в бассейне Меконга действует

¹⁰⁵ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 28 июля 2010 года. 64/292. Право человека на воду и санитарию. <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n09/479/37/pdf/n0947937.pdf> (дата обращения: 12.02.2025).

¹⁰⁶ International Commission for the Protection of the Rhine. Rhine 2040 Programme. Amsterdam: ICPR, 2020. 48 p.

¹⁰⁷ Рысбеков Ю. Х. Трансграничные водные ресурсы Центральной Азии как фактор региональной безопасности: политические и правовые аспекты ее обеспечения // Ташкент: НИЦ МКВК ЦА. – 2004. – С. 22-28.

относительно эффективная Комиссия по реке Меконг, в то время как в бассейнах Ганга, Брахмапутры и Инда сотрудничество ограничено двусторонними соглашениями и осложнено политическими противоречиями между государствами региона¹⁰⁸. В Центральной Азии реализация принципа справедливого и разумного использования сталкивается с серьезными вызовами, связанными с наследием советской системы управления водными ресурсами, различиями в структуре экономики и приоритетах водопользования между государствами верхнего и нижнего течения, слабостью региональных институтов и отсутствием консенсуса относительно механизмов распределения водных ресурсов. В советский период распределение водных ресурсов между республиками осуществлялось централизованно на основе плановых заданий по производству хлопка и других сельскохозяйственных культур, и государства верхнего течения получали компенсацию за регулирование стока в интересах ирригации в виде поставок энергоносителей. После распада СССР эта система разрушилась, и государства региона не смогли выработать новый консенсус относительно справедливого распределения водных ресурсов, что привело к напряженности и периодическим конфликтам. Узбекистан последовательно выступает за применение принципа справедливого и разумного использования с учетом всех относящихся к делу факторов, включая исторически сложившиеся объемы водопользования, зависимость населения и экономики от орошаемого земледелия, инвестиции в ирригационную инфраструктуру и экологические потребности, и призывает все государства региона к конструктивному диалогу для выработки взаимоприемлемых решений на основе международного права.

Будущее развитие принципа справедливого и разумного использования будет определяться несколькими ключевыми тенденциями. Во-первых, растущее признание необходимости интеграции экологических соображений в процесс распределения водных ресурсов и выделения части стока для поддержания водных экосистем. Во-вторых, усиление внимания к вопросам адаптации к изменению климата и

¹⁰⁸ Ranjan A. The Indus and Mekong River basins: cooperation and disputes //Asian Journal of Comparative Politics. – 2022. – Т. 7. – №. 1. – С. 172-185.

необходимости пересмотра исторически сложившихся схем распределения воды с учетом меняющихся гидрологических условий. В-третьих, более широкое признание социальных аспектов водопользования, включая право человека на воду, гендерные аспекты и интересы уязвимых групп населения. В-четвертых, развитие экономических подходов к оценке и распределению водных ресурсов, включая концепцию виртуальной воды и водного следа различных видов продукции. В-пятых, усиление роли недогосударственных акторов, включая местные сообщества, научные учреждения и неправительственные организации, в процессе принятия решений о распределении водных ресурсов. Эти тенденции отражают более широкий переход от узко технократического подхода к управлению водными ресурсами к более комплексному и инклюзивному подходу, учитывающему множественные функции и ценности воды. Для успешной реализации принципа справедливого и разумного использования в XXI веке потребуются укрепление международного сотрудничества, развитие институциональных механизмов и правовых инструментов, обеспечивающих баланс между конкурирующими потребностями и интересами при сохранении устойчивости водных ресурсов для будущих поколений.

Методологические подходы к операционализации принципа справедливого и разумного использования включают различные количественные и качественные методы оценки водных потребностей и распределения ресурсов.

Таким образом, принцип справедливого и разумного использования водных ресурсов является основополагающим элементом современного международного водного права, отражающим баланс между суверенными правами государств на использование водных ресурсов на своей территории и их обязанностью учитывать интересы других прибрежных государств. Этот принцип прошел длительную эволюцию от доктринальных разработок через судебную практику к кодификации в международных конвенциях и представляет собой компромисс между крайними позициями абсолютного территориального суверенитета и абсолютной территориальной целостности. Применение принципа на практике требует

всестороннего анализа множества факторов естественного и социально-экономического характера, наличия достоверной информации, эффективных институциональных механизмов и политической воли к компромиссу со стороны всех заинтересованных государств. Современные вызовы, такие как изменение климата, рост населения, увеличение водопотребления и деградация водных экосистем, требуют дальнейшего развития и адаптации этого принципа с учетом экологических, социальных и экономических соображений. Для Республики Узбекистан принцип справедливого и разумного использования служит правовой основой для защиты национальных интересов в области водопользования и требует активного участия страны в региональном диалоге по выработке справедливых и устойчивых механизмов распределения трансграничных водных ресурсов Центральной Азии на основе международного права с учетом исторических, экономических, социальных и экологических реальностей региона.

ГЛАВА 2. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ БАЗА УПРАВЛЕНИЯ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2.1. Конвенция ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года: значение для региона

Конвенция Организации Объединенных Наций о праве несудоходных видов использования международных водотоков, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 21 мая 1997 года, представляет собой первый универсальный международный договор, устанавливающий общую правовую рамку для использования, освоения, сохранения, управления и охраны международных водотоков в несудоходных целях и содействия оптимальному и устойчивому использованию этих ресурсов настоящим и будущими поколениями. Конвенция стала результатом почти трех десятилетий работы Комиссии международного права ООН, которая начала изучение вопроса о праве несудоходных видов использования международных водотоков в 1971 году по поручению Генеральной

Ассамблеи, и отражает эволюцию международно-правовых норм и практики государств в этой области за вторую половину XX века¹⁰⁹. Несмотря на то, что Конвенция вступила в силу лишь 17 августа 2014 года после выполнения требований статьи 36 о депонировании 35-го документа о ратификации или присоединении, ее положения оказали значительное влияние на развитие регионального и национального водного законодательства во многих частях мира еще до официального вступления в силу, поскольку многие нормы Конвенции рассматриваются как отражение обычного международного права. Для региона Центральной Азии, где после распада Советского Союза государства столкнулись с необходимостью выработки новых правовых механизмов управления трансграничными водными ресурсами бассейнов Амударьи и Сырдарьи, Конвенция ООН 1997 года приобрела особое значение как источник универсальных принципов и норм, которые могли бы служить основой для регионального сотрудничества. Республика Узбекистан присоединилась к Конвенции в 2007 году в соответствии с Постановлением Президента Республики Узбекистан от 9 августа 2007 года № ПП-683, демонстрируя приверженность страны международно-правовым стандартам в области трансграничного водного сотрудничества и стремление использовать универсальные принципы для решения региональных водных проблем¹¹⁰.

История создания Конвенции отражает сложность достижения консенсуса по вопросам трансграничных водных ресурсов между государствами с различными географическими положениями, уровнями экономического развития и приоритетами водопользования. Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 2669 (XXV) от 8 декабря 1970 года рекомендовала Комиссии международного права заняться изучением права несудоходных видов использования международных водотоков с целью его прогрессивного развития и кодификации¹¹¹. Комиссия международного права

¹⁰⁹ МакКаффри С. Конвенция Организации Объединенных Наций о праве несудоходных видов использования международных водотоков: перспективы и недостатки //Международные водотоки: Расширение сотрудничества и урегулирование конфликтов (научные редакторы—СМ Салман и ЛБ Шазурн). Нью-Йорк. – 2001. – С. 15-24.

¹¹⁰ Постановление Президента Республики Узбекистан от 9 августа 2007 года № ПП-683. // Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2007 г., № 33-34, ст. 340

¹¹¹ McCaffrey S. C. Background and overview of the International Law Commission's study of the non-navigational uses of international watercourses //Colo. J. Int'l Envtl. L. & Pol'y. – 1992. – Т. 3. – С. 17.

приступила к работе над проектом в 1974 году, назначив специального докладчика и начав систематическое изучение практики государств, международных соглашений, судебных решений и доктринальных источников. Работа над проектом столкнулась с многочисленными трудностями, связанными с необходимостью найти баланс между интересами государств верхнего и нижнего течения, между принципами территориального суверенитета и территориальной целостности, между правом на использование водных ресурсов и обязанностью не причинять ущерба другим государствам. В течение более чем двадцати лет работы над проектом сменилось несколько специальных докладчиков, каждый из которых вносил свой вклад в развитие концептуальных подходов и формулировок статей проекта. Окончательный вариант проекта был представлен Комиссией международного права Генеральной Ассамблее ООН в 1994 году и после обсуждения в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи был вынесен на голосование 21 мая 1997 года¹¹². Конвенция была принята 103 голосами при 3 голосах против (Бурунди, Китай и Турция) и 27 воздержавшихся, что свидетельствовало о широкой, но не универсальной поддержке документа международным сообществом¹¹³. Некоторые государства, особенно государства верхнего течения крупных рек, выражали обеспокоенность тем, что Конвенция может ограничить их суверенные права на использование водных ресурсов на своей территории, в то время как государства нижнего течения считали, что Конвенция недостаточно защищает их интересы от потенциально вредных действий государств верхнего течения¹¹⁴.

Структура и содержание Конвенции отражают комплексный и систематизированный подход к регулированию использования международных водотоков, охватывая как материально-правовые принципы и нормы, определяющие права и обязанности государств в отношении трансграничных вод, так и процессуально-

¹¹² Joyner C. C. UN General Assembly resolutions and international law: rethinking the contemporary dynamics of norm-creation // *Cal. W. Int'l LJ.* – 1981. – Т. 11. – С. 445.

¹¹³ Eyice Tepeciklioğlu E., Onur Tepeciklioğlu A. Turkey–Africa voting cohesion in the UN General Assembly // *Southeast European and Black Sea Studies.* – 2024. – С. 1-22.

¹¹⁴ Kliot N., Shmueli D., Shamir U. Institutions for management of transboundary water resources: their nature, characteristics and shortcomings // *Water Policy.* – 2001. – Т. 3. – №. 3. – С. 229-255.

правовые обязательства, устанавливающие механизмы взаимодействия между прибрежными государствами при осуществлении водопользования и реализации водохозяйственных проектов. Такой интегрированный подход обеспечивает сочетание субстантивных норм, определяющих пределы допустимого поведения государств, и процедурных правил, регламентирующих порядок принятия решений и разрешения разногласий, что создает целостную правовую систему управления трансграничными водными ресурсами.

Конвенция состоит из преамбулы, содержащей основные цели и принципиальные положения, лежащие в основе документа, и 37 статей, логически объединенных в 7 частей, каждая из которых регулирует определенный аспект правового режима международных водотоков. Такая структура отражает последовательное развитие правовой регламентации от общих положений к конкретным нормам, от базовых принципов к детальным процедурам, от материально-правовых норм к институциональным механизмам их реализации. Преамбула Конвенции подчеркивает осознание государствами того, что международные водотоки имеют жизненно важное значение для устойчивого развития, охраны окружающей среды и благосостояния населения, признает необходимость сотрудничества в использовании, освоении, сохранении, управлении и охране международных водотоков и выражает убежденность в том, что рамочная конвенция обеспечит эффективное средство для содействия двустороннему и многостороннему сотрудничеству.

Часть I Конвенции закладывает концептуально-терминологический фундамент всего правового режима международных водотоков, определяя базовые параметры применения международного договора и создавая понятийный аппарат, необходимый для единообразного толкования и применения его норм различными государствами-участниками. Вводные положения этой части решают ключевую задачу делимитации предмета регулирования, четко отграничивая несудоходное использование международных водотоков, которое составляет сферу действия Конвенции, от судоходного использования, регулируемого другими отраслями международного права.

Такое разграничение отражает признание специфики правовых проблем, связанных с различными видами использования водных ресурсов: если судоходство традиционно регулировалось с точки зрения свободы международного транспортного сообщения, то несудоходное использование порождает вопросы распределения ограниченных водных ресурсов между конкурирующими потребностями различных государств и секторов экономики.

Терминологические дефиниции, закрепленные в этой части, имеют не только техническое, но и концептуальное значение, поскольку выбор определений отражает определенный подход к пониманию природы и правового статуса трансграничных водных ресурсов. Определение международного водотока как гидрологически единой системы поверхностных и подземных вод, части которой расположены в различных государствах, представляет собой принципиальный отход от чисто территориального подхода и признание объективной физической взаимосвязи всех элементов водной системы независимо от политических границ. Это определение имплицитно содержит идею о том, что действия в одной части водотока неизбежно влияют на состояние других его частей, что создает объективную основу для взаимозависимости прибрежных государств и необходимости их сотрудничества. Включение подземных вод в определение международного водотока, при условии их физической связи с поверхностными водами, отражает современное научное понимание единства гидрологического цикла и преодолевает традиционное искусственное разделение между различными компонентами водных ресурсов.

Нормы о соотношении Конвенции с другими международными соглашениями устанавливают важный принцип многоуровневого регулирования трансграничных водных отношений, признавая легитимность и необходимость сосуществования универсальных, региональных и двусторонних правовых инструментов. Конвенция не стремится заменить существующие соглашения или препятствовать заключению новых, а скорее предоставляет общую правовую рамку, которая может быть конкретизирована и адаптирована к специфическим условиям отдельных бассейнов через более детальные

региональные или двусторонние соглашения. Такой подход отражает понимание того, что универсальные нормы, применимые ко всем международным водотокам независимо от их особенностей, неизбежно должны носить достаточно общий характер и требуют дополнения специальными нормами, учитывающими гидрологические, экономические, социальные и политические особенности конкретных бассейнов. Положения о соглашениях по водотокам, которые государства могут заключать для применения и адаптации общих принципов Конвенции к конкретным условиям, создают механизм перехода от абстрактных универсальных норм к конкретным правилам управления отдельными международными водотоками, обеспечивая тем самым гибкость и эффективность правового регулирования.

Часть II Конвенции формулирует фундаментальные материально-правовые принципы, составляющие нормативное ядро международного водного права и определяющие содержание прав и обязанностей государств в отношении использования трансграничных водных ресурсов. Эти принципы представляют собой результат длительной эволюции международно-правовой доктрины и практики государств, отражая постепенный переход от крайних позиций абсолютного территориального суверенитета и абсолютной территориальной целостности к сбалансированному подходу, признающему как право каждого прибрежного государства на использование водных ресурсов на своей территории, так и его обязанность учитывать законные интересы других прибрежных государств и сохранять водные экосистемы.

Принцип справедливого и разумного использования, занимающий центральное место в системе норм Конвенции, воплощает философию компромисса и сбалансированности интересов, противопоставляя её односторонним подходам, основанным на приоритете либо государств верхнего, либо государств нижнего течения. Этот принцип не предлагает простых арифметических формул распределения водных ресурсов, а требует всестороннего анализа множества факторов естественного и социально-экономического характера, взвешивания конкурирующих интересов и потребностей различных государств и секторов водопользования, поиска оптимального

варианта использования, максимизирующего совокупные выгоды для всех заинтересованных сторон при сохранении устойчивости водных ресурсов. Открытый характер перечня факторов, подлежащих учету при определении справедливого и разумного использования, отражает признание уникальности каждого международного водотока и невозможности создания единой универсальной формулы, применимой ко всем ситуациям без исключения. Включение в этот перечень как объективных физических факторов (географии, гидрологии, климата), так и социально-экономических соображений (потребностей населения, существующего использования, наличия альтернатив) демонстрирует стремление к холистическому подходу, интегрирующему естественнонаучные и социально-экономические аспекты водопользования.

Обязательство не причинять значительного ущерба другим государствам водотока, тесно связанное с принципом справедливого и разумного использования, конкретизирует общий принцип международного права о недопустимости использования территории государства способом, причиняющим вред территории других государств. Однако применительно к трансграничным водным ресурсам этот принцип не может толковаться как абсолютный запрет любого трансграничного воздействия, поскольку совместное использование ограниченных водных ресурсов неизбежно предполагает определенное взаимное влияние действий прибрежных государств друг на друга. Конвенция формулирует это обязательство как требование принимать все надлежащие меры для предотвращения причинения значительного ущерба, признавая тем самым, что абсолютное предотвращение любого ущерба может быть невозможным или несовместимым со справедливым и разумным использованием водотока. Процедурные нормы, устанавливающие обязанности государства, причинившего ущерб, по консультациям с затрагиваемым государством, принятию мер по устранению или смягчению ущерба и обсуждению вопроса о компенсации, создают механизм урегулирования ситуаций, когда предотвращение ущерба оказывается невозможным.

Обязанность сотрудничества формулируется не как абстрактная декларация о желательности взаимодействия между государствами, а как конкретное правовое обязательство, порождающее определенные последствия и требующее от государств активных действий по координации своей водохозяйственной деятельности. Сотрудничество понимается как процесс, основанный на принципах суверенного равенства, территориальной целостности, взаимной выгоды и доброй воли, что подчеркивает добровольный и равноправный характер взаимодействия между государствами при одновременном признании его обязательности. Конвенция не предписывает конкретные формы сотрудничества, оставляя государствам свободу выбора наиболее подходящих механизмов с учетом специфики каждого бассейна, но указывает на возможность создания совместных органов или комиссий как институциональной основы для постоянного взаимодействия. Нормы об обмене данными и информацией конкретизируют обязанность сотрудничества применительно к важнейшему аспекту управления водными ресурсами – обеспечению информационной основы для принятия обоснованных решений. Регулярный обмен гидрологическими, метеорологическими, гидрогеологическими и экологическими данными создает общую информационную базу, необходимую для объективной оценки состояния водных ресурсов, прогнозирования последствий различных вариантов водопользования и предотвращения конфликтов, основанных на неполной или искаженной информации.

Часть III Конвенции представляет собой детально разработанную систему процедурно-правового регулирования планируемых мер, которые могут оказать значительное неблагоприятное трансграничное воздействие на другие государства водотока. Эта часть устанавливает комплексный механизм предварительного уведомления, консультаций и переговоров, направленный на обеспечение транспарентности водохозяйственной деятельности, предсказуемости действий прибрежных государств и всестороннего учета интересов всех заинтересованных сторон на стадии планирования водохозяйственных проектов. Процедурные нормы этой части Конвенции основываются на признании того, что превентивный подход,

предполагающий выявление и оценку потенциальных негативных последствий до начала реализации проекта, является более эффективным и менее конфликтным, чем последующее урегулирование споров о причиненном ущербе. Установленная система процедур включает обязательное уведомление о планируемых мерах с представлением технической документации и результатов оценки воздействия на окружающую среду, предоставление разумного срока для изучения и оценки представленных материалов уведомляемыми государствами, проведение консультаций и переговоров в случае возникновения разногласий, а также запрет на осуществление планируемых мер в течение согласованного периода без достижения договоренности с потенциально затрагиваемыми государствами. Данная система процедурных обязательств представляет собой одно из наиболее значительных достижений Конвенции и служит моделью для регулирования трансграничного экологического воздействия в других областях международного права.

Часть IV Конвенции посвящена охране, сохранению и управлению международными водотоками, что отражает фундаментальную трансформацию в подходах к регулированию трансграничных вод – переход от узко утилитарного понимания водных ресурсов как объекта эксплуатации к комплексному видению водотоков как сложных экосистем, требующих защиты и устойчивого управления. Положения этой части признают неразрывную взаимосвязь между количественными и качественными аспектами водопользования, между удовлетворением хозяйственных потребностей и сохранением экологической целостности водных систем, между интересами нынешнего и будущих поколений. Конвенция устанавливает широкий спектр обязательств государств по охране водных экосистем, включая предотвращение, сокращение и контроль загрязнения из различных источников, защиту биологического разнообразия водотоков, предотвращение интродукции чужеродных видов, которые могут нарушить экологический баланс, охрану морской среды от воздействия деятельности в речных бассейнах, регулирование стока с учетом экологических требований и координацию действий по управлению водными ресурсами на уровне

всего бассейна. Интеграция экологических соображений в правовой режим использования международных водотоков, осуществленная в этой части Конвенции, соответствует общей тенденции экологизации международного права и отражает понимание того, что устойчивое использование водных ресурсов невозможно без обеспечения сохранности экосистем, которые формируют эти ресурсы и обеспечивают их воспроизводство.

Принцип справедливого и разумного использования, закрепленный в статьях 5 и 6 Конвенции, составляет основу правового режима использования международных водотоков и имеет первостепенное значение для регулирования водных отношений в Центральной Азии. Статья 5 устанавливает, что государства водотока используют международный водоток справедливым и разумным образом с целью достижения оптимального и устойчивого использования и получения выгод с учетом интересов соответствующих государств водотока, совместимых с обеспечением адекватной охраны водотока¹¹⁵. Статья 6 содержит открытый перечень факторов, которые должны учитываться при определении того, что является справедливым и разумным использованием, включая географические, гидрографические, гидрологические, климатические и экологические факторы; социальные и экономические потребности заинтересованных государств; население, зависящее от водотока; последствия использования для других государств; существующее и потенциальное использование; меры по сохранению и экономии водных ресурсов; наличие альтернатив.

Применение этого принципа в контексте Центральной Азии требует учета специфических условий региона, включая засушливый климат, высокую зависимость от орошаемого земледелия, исторически сложившиеся практики водопользования и различия между государствами в структуре экономики и приоритетах развития. Узбекистан, обосновывая свои права на справедливую долю водных ресурсов Амударьи и Сырдарьи, указывает на критическую зависимость продовольственной безопасности и

¹¹⁵ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков от 21 мая 1997 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (дата обращения: 10.01.2025).

благосостояния значительной части населения от орошаемого земледелия, масштабные инвестиции в ирригационную инфраструктуру, созданную в течение столетий, исторически установившиеся объемы водозабора и необходимость обеспечения экологического стока в Аральское море для смягчения последствий экологической катастрофы.

Обязательство не причинять значительного ущерба, установленное в статье 7 Конвенции, тесно связано с принципом справедливого и разумного использования и представляет собой один из наиболее спорных аспектов Конвенции. Статья 7(1) требует от государств водотока принимать все надлежащие меры для предотвращения причинения значительного ущерба другим государствам водотока при использовании международного водотока на своей территории. Если такой ущерб все же причиняется, государство, чьи действия причинили ущерб, обязано в соответствии со статьей 7(2) принять все надлежащие меры для устранения или смягчения такого ущерба и, где это уместно, обсудить вопрос о компенсации. Важно отметить, что статья 7 не устанавливает абсолютного запрета на причинение ущерба, а требует лишь принятия мер для его предотвращения и смягчения, признавая тем самым, что некоторый уровень трансграничного воздействия неизбежен при совместном использовании ограниченных водных ресурсов. Соотношение между принципом справедливого и разумного использования и обязательством не причинять значительного ущерба было предметом интенсивных дебатов при разработке Конвенции, и окончательная формулировка отражает компромисс, согласно которому обязательство не причинять ущерба должно применяться в контексте справедливого и разумного использования. Это означает, что, если использование водных ресурсов одним государством является справедливым и разумным в соответствии со статьями 5 и 6, но тем не менее причиняет ущерб другому государству, причиняющее ущерб государство не обязано немедленно прекращать такое использование, но должно проконсультироваться с затрагиваемым государством и принять меры для смягчения ущерба. В контексте Центральной Азии вопрос о соотношении этих двух принципов имеет первостепенное значение, поскольку

строительство и эксплуатация крупных гидроэнергетических объектов в верховьях Амударьи и Сырдарьи могут существенно изменить режим стока и потенциально причинить значительный ущерб орошаемому земледелию в среднем и нижнем течении, водоснабжению населения и экологическому состоянию региона. Узбекистан настаивает на строгом соблюдении обязательства не причинять значительного ущерба и требует проведения всесторонней международной экологической оценки воздействия крупных водохозяйственных проектов с участием всех потенциально затрагиваемых государств, а также выработки механизмов компенсации возможного ущерба.

Обязанность сотрудничества составляет фундаментальный элемент правового режима использования международных водотоков и представляет собой не абстрактную декларацию о желательности взаимодействия, а конкретное правовое обязательство, порождающее определенные юридические последствия и требующее от государств активных действий по координации водохозяйственной деятельности. Сотрудничество понимается Конвенцией как непрерывный процесс взаимодействия, основанный на фундаментальных принципах международного права – суверенном равенстве государств, уважении их территориальной целостности, взаимной выгоде и доброй воле, что подчеркивает добровольный и равноправный характер этого взаимодействия при одновременном признании его обязательности как требования международного права. Конвенция не предписывает жестких форм организации сотрудничества, оставляя государствам свободу выбора наиболее подходящих институциональных механизмов с учетом специфики каждого бассейна, но указывает на создание совместных органов или комиссий как на один из возможных и эффективных способов институционализации постоянного взаимодействия между прибрежными государствами. Содержание обязанности сотрудничества раскрывается через конкретные формы взаимодействия, включающие проведение регулярных консультаций по вопросам использования и охраны водотока, обмен гидрологическими и экологическими данными, совместное планирование водохозяйственной деятельности с учетом интересов всех прибрежных

государств, координацию действий в чрезвычайных ситуациях и разработку общих стратегий устойчивого управления водными ресурсами на уровне всего бассейна.

Международный опыт демонстрирует, что создание эффективных институциональных механизмов сотрудничества является ключевым фактором успешного управления трансграничными водными ресурсами и предотвращения конфликтов между прибрежными государствами. Примеры функционирования бассейновых организаций в различных регионах мира – от Международной комиссии по защите Рейна в Европе до Комиссии по реке Меконг в Азии и организаций по управлению крупными африканскими речными бассейнами – свидетельствуют о том, что постоянно действующие институты, наделенные четкими полномочиями, обеспеченные адекватным финансированием и пользующиеся политической поддержкой на высшем уровне, способны эффективно координировать водопользование, предотвращать эскалацию разногласий и содействовать реализации совместных проектов в интересах всех прибрежных государств.

В Центральной Азии после распада Советского Союза государства региона сохранили и реорганизовали институциональные механизмы регионального водного сотрудничества, созданные еще в советский период, включая Межгосударственную координационную водохозяйственную комиссию и Бассейновые водохозяйственные объединения «Амударья» и «Сырдарья», которые призваны координировать совместное использование водных ресурсов трансграничных рек¹¹⁶. Однако эффективность функционирования этих институтов существенно ограничивается комплексом проблем, включающих недостаточность полномочий для принятия обязательных решений по ключевым вопросам распределения воды, слабость финансовой базы, не позволяющей осуществлять необходимые технические и научные работы, отсутствие действенных механизмов обеспечения исполнения принимаемых решений и периодические политические разногласия между государствами региона, препятствующие достижению

¹¹⁶ McKinney D. C. Cooperative management of transboundary water resources in Central Asia //In the Tracks of Tamerlane: Central Asia's Path to the 21st Century. Washington, DC: National Defense University. – 2004. – С. 187-220.

консенсуса по наиболее чувствительным вопросам. Узбекистан последовательно выступает за институциональное укрепление региональных механизмов водного сотрудничества путем расширения их полномочий, обеспечения стабильного и адекватного финансирования, повышения профессионального уровня их деятельности, а также активного использования международного опыта и экспертизы для совершенствования практики совместного управления водными ресурсами бассейнов Амударьи и Сырдарьи.

Процедурные обязательства, установленные Конвенцией в отношении планируемых мер, которые могут оказать значительное неблагоприятное трансграничное воздействие, представляют собой одну из наиболее детально разработанных и юридически значимых частей документа, имеющую критическое значение для предотвращения конфликтов между государствами водотока на стадии планирования водохозяйственных проектов. Эта система процедур основывается на презумпции, согласно которой превентивный подход, предполагающий информирование потенциально затрагиваемых государств и проведение консультаций до начала реализации проекта, является более эффективным и менее конфликтогенным способом согласования интересов, чем последующее урегулирование споров о причиненном ущербе. Конвенция устанавливает комплексный механизм, начинающийся с обязательства своевременного уведомления о планируемых мерах, которое должно сопровождаться предоставлением технической документации и результатов оценки воздействия на окружающую среду, что позволяет уведомляемым государствам провести собственную независимую оценку потенциальных последствий проекта для их интересов. Предоставление шестимесячного срока для изучения представленных материалов и направления ответа отражает стремление обеспечить баланс между необходимостью предоставить достаточное время для тщательного анализа и необходимостью избежать неоправданных задержек в реализации проектов.

В течение периода рассмотрения уведомления государство, планирующее меры, обязано активно сотрудничать с уведомляемыми государствами, предоставляя по их

запросу дополнительную информацию и даже позволяя им проводить собственные исследования и оценки на территории планируемого проекта, что свидетельствует о серьезности процедурных обязательств и их направленности на обеспечение максимальной информационной прозрачности. Если уведомляемое государство приходит к выводу о несоответствии планируемых мер принципам справедливого и разумного использования или обязательству не причинять значительного ущерба, оно должно представить мотивированное обоснование своей позиции, что запускает процесс консультаций и переговоров, направленных на достижение взаимоприемлемого решения. Критически важным элементом процедуры является установление запрета на осуществление планируемых мер в течение периода консультаций и переговоров без достижения согласия с уведомляемыми государствами, что создает правовой механизм, препятствующий односторонним действиям, способным причинить ущерб интересам других прибрежных государств. Конвенция предусматривает также специальные процедуры для исключительных ситуаций, требующих срочного осуществления мер, и для случаев, когда государства не могут достичь согласия в установленные сроки, что обеспечивает гибкость правового режима и его способность реагировать на различные практические ситуации.

Для Центральной Азии эти процедурные нормы приобретают особую актуальность в контексте планов строительства крупных гидроэнергетических объектов в верховьях Амударьи и Сырдарьи, которые могут существенно изменить режим стока этих рек и оказать значительное воздействие на водообеспечение орошаемого земледелия, промышленности и коммунально-бытового сектора в государствах среднего и нижнего течения, а также создать риски для безопасности населения в случае аварий на крупных гидротехнических сооружениях. Узбекистан, Туркменистан и Казахстан выражают серьезную обеспокоенность возможными негативными последствиями реализации этих проектов и настаивают на строгом соблюдении процедур уведомления и консультаций, закрепленных в Конвенции ООН 1997 года, которая является обязательной для Узбекистана и Казахстана как государств-участников.

Положения Конвенции об охране и сохранении экосистем международных водотоков отражают фундаментальную трансформацию в понимании природы водных ресурсов и целей их использования – переход от чисто утилитарного восприятия воды как объекта хозяйственной эксплуатации к признанию внутренней ценности водных экосистем и необходимости их сохранения независимо от непосредственной экономической выгоды. Конвенция устанавливает комплексную систему природоохранных обязательств, охватывающую все основные аспекты экологической защиты водных объектов – от предотвращения загрязнения из точечных и диффузных источников до сохранения биологического разнообразия и защиты целостности водных экосистем. Обязательство охранять и сохранять экосистемы международных водотоков формулируется как требование, обращенное к государствам как индивидуально, так и коллективно, что подчеркивает как ответственность каждого государства за состояние части экосистемы, находящейся на его территории, так и необходимость совместных действий для обеспечения охраны экосистемы в целом¹¹⁷.

Значение Конвенции ООН 1997 года для Центральной Азии определяется несколькими факторами, которые делают этот универсальный международный документ особенно релевантным для решения региональных водных проблем. Во-первых, Конвенция предоставляет авторитетную кодификацию основных принципов международного водного права, включая принцип справедливого и разумного использования и обязательство не причинять значительного ущерба, которые могут служить правовой основой для урегулирования разногласий между государствами региона. Во-вторых, Конвенция устанавливает детальные процедурные обязательства, касающиеся уведомления, консультаций и обмена информацией, что может способствовать повышению транспарентности и предсказуемости действий государств в отношении трансграничных водных ресурсов. В-третьих, Конвенция подчеркивает важность сотрудничества и создания совместных механизмов управления водными

¹¹⁷ The obligation to protect and preserve the ecosystems of international watercourses is formulated as a requirement addressed to States both individually and collectively, which emphasizes

ресурсами, что может служить стимулом для укрепления региональных институтов водного сотрудничества. В-четвертых, Конвенция интегрирует экологические соображения в правовой режим использования водных ресурсов, требуя охраны и сохранения водных экосистем, что критически важно для региона, столкнувшегося с серьезными экологическими проблемами. В-пятых, Конвенция предоставляет механизмы мирного урегулирования споров, которые могут быть использованы в случае обострения разногласий между государствами региона. Однако реализация положений Конвенции в Центральной Азии сталкивается с рядом вызовов и ограничений, связанных со спецификой региональной ситуации.

Основные вызовы и ограничения в применении Конвенции ООН 1997 года в Центральной Азии включают следующие аспекты. Во-первых, не все государства региона являются участниками Конвенции: Узбекистан и Казахстан присоединились к Конвенции, в то время как Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан остаются вне рамок этого международного договора, что ограничивает его непосредственное применение в регионе.

Тем не менее, многие положения Конвенции рассматриваются как отражение обычного международного права и могут применяться независимо от формального участия государств в Конвенции. Во-вторых, Конвенция носит рамочный характер и требует конкретизации через заключение региональных или бассейновых соглашений, учитывающих специфические условия каждого водотока, однако государства Центральной Азии до настоящего времени не смогли достичь консенсуса относительно нового всеобъемлющего регионального водного соглашения, которое отражало бы принципы Конвенции. В-третьих, применение принципа справедливого и разумного использования на практике требует проведения комплексных исследований, сбора и анализа обширной информации о водных ресурсах, их использовании и потребностях всех заинтересованных государств, что затруднено недостаточностью данных, ограниченностью технического потенциала и в некоторых случаях нежеланием государств делиться информацией. В-четвертых, эффективная реализация Конвенции

требует наличия сильных институциональных механизмов и политической воли к сотрудничеству, однако существующие региональные институты водного управления в Центральной Азии сталкиваются с серьезными ограничениями в плане полномочий, ресурсов и легитимности. В-пятых, исторически сложившиеся практики водопользования в регионе, унаследованные с советского периода, не всегда соответствуют современным принципам справедливого и разумного использования, и их пересмотр встречает сопротивление со стороны государств, получающих выгоды от существующего положения.

Перспективы использования Конвенции ООН 1997 года для укрепления правовой базы водного сотрудничества в Центральной Азии зависят от нескольких факторов. Важным шагом было бы присоединение к Конвенции остальных государств региона – Таджикистана, Кыргызстана и Туркменистана, что создало бы единую правовую основу для всех государств бассейнов Амударьи и Сырдарьи и облегчило бы применение универсальных принципов международного водного права в региональном контексте¹¹⁸. Даже без формального присоединения всех государств к Конвенции, принципы и нормы, закрепленные в ней, могут использоваться в качестве ориентира при разработке новых региональных соглашений или при модернизации существующих механизмов сотрудничества. Конвенция может служить основой для разработки протоколов или приложений, конкретизирующих общие принципы применительно к специфическим условиям бассейнов Амударьи и Сырдарьи, включая схемы распределения водных ресурсов, процедуры координации эксплуатации водохранилищ, механизмы обмена информацией и совместного мониторинга, а также протоколы действий в чрезвычайных ситуациях. Положения Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду и процедурах уведомления и консультаций могут быть использованы для создания более эффективных механизмов предотвращения конфликтов, связанных со строительством крупных водохозяйственных объектов. Экологические нормы Конвенции могут

¹¹⁸ Holmatov B., Lautze J., Kazbekov J. Tributary-level transboundary water law in the Syr Darya: overlooked stories of practical water cooperation //International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. – 2016. – Т. 16. – №. 6. – С. 873-907.

служить основой для разработки региональной стратегии охраны водных ресурсов и восстановления деградированных экосистем, включая меры по обеспечению экологического стока в Аральское море. Процедуры урегулирования споров, предусмотренные Конвенцией, могут быть адаптированы к региональным условиям с созданием специализированного механизма посредничества или экспертной оценки для разрешения водных споров в Центральной Азии.

Узбекистан, как государство-участник Конвенции ООН 1997 года, последовательно выступает за использование принципов и норм Конвенции в качестве основы для регионального водного сотрудничества и призывает другие государства Центральной Азии присоединиться к этому универсальному международному договору. В своей национальной водной политике Узбекистан руководствуется принципами, закрепленными в Конвенции, включая принцип справедливого и разумного использования, обязательство не причинять значительного ущерба, обязанность сотрудничества и требования об охране водных экосистем. Узбекистан активно участвует в региональных консультациях по вопросам управления водными ресурсами и инициирует предложения по укреплению правовой и институциональной базы водного сотрудничества на основе международно-признанных принципов. Страна поддерживает проведение международных научных исследований и экспертных оценок для объективного определения справедливого распределения водных ресурсов с учетом всех относящихся к делу факторов, предусмотренных статьей 6 Конвенции. Узбекистан настаивает на строгом соблюдении процедур уведомления и консультаций в отношении крупных водохозяйственных проектов и выступает за проведение всесторонних трансграничных оценок воздействия на окружающую среду с участием независимых международных экспертов.

Таким образом, Конвенция ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года представляет собой важный элемент международно-правовой базы управления водными ресурсами и имеет значительный потенциал для укрепления правовых основ водного сотрудничества в Центральной

Азии. Конвенция кодифицирует основные принципы международного водного права, устанавливает процедурные обязательства государств, подчеркивает важность сотрудничества и интегрирует экологические соображения в правовой режим использования водных ресурсов. Присоединение Узбекистана к Конвенции свидетельствует о приверженности страны международно-правовым стандартам и стремлении использовать универсальные принципы для решения региональных водных проблем. Полная реализация потенциала Конвенции в регионе требует присоединения к ней всех государств Центральной Азии, разработки конкретизирующих региональных соглашений и протоколов, укрепления институциональных механизмов сотрудничества и политической воли к компромиссу со стороны всех заинтересованных государств. В условиях нарастающих вызовов, связанных с изменением климата, ростом населения, увеличением водопотребления и деградацией водных экосистем, использование международно-признанных правовых принципов и механизмов становится все более важным для обеспечения устойчивого и справедливого управления трансграничными водными ресурсами Центральной Азии.

2.2. Правовой анализ Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 года (Хельсинкская конвенция)

Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер, принятая в Хельсинки 17 марта 1992 года, представляет собой важнейший региональный международно-правовой инструмент в области управления трансграничными водными ресурсами. Первоначально задуманная как региональный договор для стран-членов ЕЭК ООН, Конвенция претерпела существенную эволюцию, трансформировавшись в глобальный правовой механизм после вступления в силу поправок 2003 года, открывших возможность присоединения для всех государств-членов ООН.

Хельсинкская конвенция представляет собой многосторонний международный договор, обладающий обязательной юридической силой для государств-участников. В отличие от рекомендательных инструментов «мягкого права», Конвенция устанавливает четкие правовые обязательства, подлежащие выполнению в соответствии с принципом *pacta sunt servanda*. Правовая природа Конвенции характеризуется сочетанием рамочных положений общего характера и конкретных обязательств процедурного и материального характера.

Предметная сфера действия Конвенции охватывает «трансграничные воды», определяемые как любые поверхностные или подземные воды, которые обозначают, пересекают границы между двумя или более государствами или расположены на таких границах. Данное определение имеет принципиальное значение, поскольку включает не только реки и озера, но и подземные водоносные горизонты, что особенно актуально для засушливых регионов. Юридическая конструкция «трансграничного воздействия» как любого значительного вредного последствия для окружающей среды в районе, находящемся под юрисдикцией другой Стороны, создает широкую основу для применения положений Конвенции¹¹⁹.

Территориальная сфера применения Конвенции первоначально ограничивалась регионом ЕЭК ООН, однако поправки 2003 года кардинально изменили ее географический охват. Правовой механизм открытия Конвенции для всех государств-членов ООН представляет собой уникальный пример трансформации регионального договора в квазиуниверсальный инструмент. С точки зрения международного права, данный процесс демонстрирует гибкость договорного права и способность международных соглашений адаптироваться к изменяющимся потребностям международного сообщества.

Правовая архитектура Хельсинкской конвенции построена на системе взаимосвязанных принципов, формирующих целостный подход к управлению

¹¹⁹ Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Черноморец А. Е. Экологическое право России //Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – №. 10. – С. 139-140.

трансграничными водными ресурсами. Принцип предотвращения трансграничного воздействия является краеугольным камнем Конвенции и воплощает превентивный подход в международном экологическом праве. Юридическое содержание данного принципа раскрывается через обязательство государств принимать «все соответствующие меры» для предотвращения, ограничения и сокращения любого трансграничного воздействия.

Принцип предосторожности, инкорпорированный в правовую ткань Конвенции, требует от государств принятия мер по предотвращению возможного трансграничного воздействия даже при отсутствии полной научной определенности относительно причинно-следственных связей. Данный принцип представляет собой прогрессивное развитие международного экологического права и накладывает на государства обязательство действовать проактивно в условиях научной неопределенности.

Принцип «загрязнитель платит» устанавливает экономический механизм ответственности за экологический ущерб¹²⁰. В контексте трансграничных водных ресурсов применение данного принципа требует разработки сложных правовых механизмов определения источников загрязнения и расчета компенсации. Конвенция не детализирует процедуры применения данного принципа, оставляя их разработку на усмотрение государств-участников через двусторонние и многосторонние соглашения.

Обязательство сотрудничества, закрепленное в Конвенции, выходит за рамки общего принципа добрососедства и конкретизируется через систему процедурных требований. Государства обязаны заключать двусторонние или многосторонние соглашения, создавать совместные органы, проводить консультации и обмениваться информацией. Правовая природа данных обязательств носит характер обязательств поведения (*obligations of conduct*), а не результата (*obligations of result*), что

¹²⁰ Вершило Н. Д. Правовые проблемы экономического механизма природопользования и охраны окружающей среды //Вестник Саратовской государственной академии права. – 2006. – №. 1. – С. 141-146.

предоставляет государствам определенную гибкость в выборе форм и методов сотрудничества¹²¹.

Институциональная архитектура Хельсинкской конвенции представляет собой многоуровневую систему органов и механизмов, обеспечивающих ее эффективную имплементацию. В основе этой системы лежит Совещание Сторон - высший орган принятия решений, обладающий широкими полномочиями по развитию и конкретизации положений Конвенции. Правовая природа решений Совещания Сторон представляет особый интерес с точки зрения теории международного права: формально не являясь поправками к Конвенции, эти решения создают дополнительные обязательства для государств-участников через механизм последующей практики применения договора, демонстрируя динамичный характер международного водного права.

Однако эффективность решений Совещания Сторон во многом зависит от качества их технической и научной проработки. Именно эту задачу выполняют Рабочая группа по комплексному управлению водными ресурсами и Рабочая группа по мониторингу и оценке, функционирующие как вспомогательные органы Конвенции. Их деятельность обеспечивает необходимую экспертную базу для принятия обоснованных решений на политическом уровне. Хотя рекомендации рабочих групп формально не обладают обязательной силой, они формируют стандарты наилучшей практики в области управления трансграничными водами. Более того, правовое значение таких рекомендаций выходит за рамки их консультативного статуса - через последовательную практику государств они способны трансформироваться в обычные нормы международного права, тем самым обогащая нормативное содержание водного права.

Завершает институциональную конструкцию Конвенции уникальный механизм содействия соблюдению, который представляет собой инновационный квазисудебный орган, органично сочетающий функции мониторинга и поддержки государств в

¹²¹ Алякин Д. С. Добросовестное исполнение договорных обязательств по Российскому праву //Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2022. – Т. 13. – №. 1. – С. 107-124.

выполнении их обязательств. Данный механизм воплощает философский сдвиг от традиционной конфронтационной модели разрешения споров к превентивной модели сотрудничества. Его основная задача - не наказание за нарушения, а предотвращение их возникновения через выявление и устранение системных проблем в имплементации Конвенции. Процедурная гибкость механизма проявляется в множественности каналов инициирования процедуры: она может быть начата самими государствами, секретариатом или другими Сторонами, что создает многоканальную систему контроля, способную адаптироваться к различным ситуациям и обеспечивать всестороннюю поддержку государств в процессе реализации положений Конвенции.

Конвенция устанавливает детализированную систему материальных норм, регулирующих качественные и количественные аспекты использования трансграничных вод. Требование применения наилучших доступных технологий (НДТ) представляет собой динамический стандарт, эволюционирующий вместе с научно-техническим прогрессом. Правовая неопределенность понятия НДТ компенсируется разработкой технических руководств и рекомендаций, конкретизирующих данный стандарт для различных видов деятельности.

Обязательства по мониторингу и оценке состояния трансграничных вод формируют информационную основу для принятия управленческих решений. Юридическое требование проведения совместного или скоординированного мониторинга создает предпосылки для формирования единого информационного пространства в бассейнах трансграничных рек. Стандартизация методологий мониторинга через руководящие документы Конвенции способствует сопоставимости данных и объективности оценок.

Положения о чрезвычайных ситуациях устанавливают специальный правовой режим для случаев аварийного загрязнения или иных экстраординарных событий. Обязательство немедленного информирования и оказания взаимной помощи создает правовую основу для оперативного реагирования на трансграничные инциденты. Отсутствие в Конвенции детализированных процедур компенсации ущерба от

чрезвычайных ситуаций представляет определенный пробел, частично восполняемый Протоколом о гражданской ответственности 2003 года.

Протокол по проблемам воды и здоровья 1999 года представляет собой первый международно-правовой инструмент, устанавливающий юридически обязательные стандарты в области обеспечения безопасной питьевой водой и адекватной санитарией. Инновационный характер Протокола заключается в установлении обязательства по определению целевых показателей и контрольных сроков их достижения. Правовой механизм установления целевых показателей сочетает элементы международных обязательств и национального планирования, создавая гибкую систему имплементации.

Юридическая связь между Протоколом и основной Конвенцией характеризуется автономностью при сохранении институционального единства. Государства могут быть участниками Протокола, не являясь сторонами Конвенции, что расширяет географический охват правового регулирования. Для Центральной Азии, где проблемы доступа к безопасной питьевой воде особенно актуальны, Протокол предоставляет дополнительные правовые инструменты решения водно-санитарных проблем.

Правовое взаимодействие Хельсинкской конвенции с Конвенцией ООН о водотоках 1997 года представляет собой пример комплементарности международно-правовых режимов. В то время как Конвенция ООН устанавливает универсальные принципы, Хельсинкская конвенция предоставляет детализированные механизмы их реализации. Отсутствие иерархии между двумя конвенциями создает возможность для государств выбирать наиболее подходящие правовые инструменты или использовать их в сочетании¹²².

Взаимосвязь с международным экологическим правом проявляется через инкорпорацию принципов устойчивого развития, экосистемного подхода и интегрированного управления водными ресурсами. Конвенция выступает как специальный правовой режим (*lex specialis*) по отношению к общим нормам

¹²² Rieu-Clarke A., Kinna R. Can two global UN water conventions effectively co-exist? Making the case for a 'Package Approach' to support institutional coordination // Review of European, Comparative & International Environmental Law. – 2014. – Т. 23. – №. 1. – С. 15-31.

международного экологического права, конкретизируя их применительно к трансграничным водам¹²³.

В контексте права международных организаций Хельсинкская конвенция демонстрирует эффективность использования институциональной структуры ЕЭК ООН для обеспечения секретариатской поддержки. Правовой статус секретариата и его полномочия определяются как положениями Конвенции, так и правилами ООН, создавая двойственную правовую основу функционирования.

Применение Хельсинкской конвенции в Центральной Азии сталкивается с рядом правовых вызовов, обусловленных особенностями региональной системы управления водными ресурсами. Наследие советской системы водного права, базировавшейся на административно-командных методах управления, создает определенные трудности в имплементации рыночных механизмов и принципа «загрязнитель платит».

Правовой статус межгосударственных водохозяйственных организаций региона (МКВК, МФСА) и их взаимодействие с институциональными механизмами Конвенции требует дополнительной юридической проработки. Вопросы правопреемства в отношении советских водных соглашений и их соотношения с обязательствами по Конвенции создают сложную правовую мозаику, требующую гармонизации.

Различия в уровне участия государств Центральной Азии в Конвенции (три государства-участника из пяти) создают асимметричность правовых обязательств в регионе. Это осложняет развитие единого правового пространства и требует использования дополнительных механизмов вовлечения государств-неучастников через проекты технической помощи и программы наращивания потенциала.

Перспективы развития правового режима

Эволюция правового режима Хельсинкской конвенции продолжается через принятие новых руководящих документов и адаптацию к современным вызовам. Изменение климата как фактор, влияющий на водные ресурсы, потребовал разработки

¹²³ Singh N. Right to environment and sustainable development as a principle of international law //Journal of the Indian Law Institute. – 1987. – Т. 29. – №. 3. – С. 289-320.

специального Руководства по водным ресурсам и адаптации к изменению климата, расширяющего сферу применения Конвенции.

Развитие концепции взаимосвязи «вода-продовольствие-энергия-экосистемы» (nexus approach) открывает новые горизонты для правового регулирования. Интеграция различных секторов водопользования требует развития межсекторальных правовых механизмов, выходящих за традиционные рамки водного права.

Цифровизация водного сектора и использование новых технологий мониторинга создают потребность в разработке правовых норм, регулирующих обмен данными, защиту информации и использование искусственного интеллекта в управлении водными ресурсами¹²⁴. Конвенция, благодаря своему эволюционному характеру, обладает потенциалом для инкорпорации этих новых аспектов через решения Совещания Сторон и разработку дополнительных протоколов.

Для Центральной Азии полноценное использование правового потенциала Хельсинкской конвенции требует не только формального соблюдения ее положений, но и активного участия в развитии ее нормативного содержания. Вовлечение региона в разработку новых правовых инструментов и стандартов позволит учесть специфику засушливых и полузасушливых регионов в универсальных правовых механизмах. Синергия между глобальными правовыми режимами и региональными инициативами создает основу для построения эффективной системы правового регулирования трансграничного водного сотрудничества в Центральной Азии.

2.3. Региональные соглашения по водным ресурсам в Центральной Азии: история и современность

Региональная система правового регулирования водных отношений в Центральной Азии представляет собой уникальный феномен в международном водном праве,

¹²⁴ Kamyab H. et al. The latest innovative avenues for the utilization of artificial Intelligence and big data analytics in water resource management //Results in Engineering. – 2023. – Т. 20. – С. 101566.

сформировавшийся в результате трансформации единого водохозяйственного комплекса СССР в сложную сеть межгосударственных договоренностей между суверенными республиками. Особенность этой системы заключается не только в ее связи с советским наследием, но и в том, что она развивалась в условиях одновременного государственного строительства, экономической трансформации и нарастающего экологического кризиса, символом которого стала катастрофа Аральского моря.

Правовые основы современного водного сотрудничества в регионе были заложены в критический период 1991-1992 годов, когда стало очевидным, что разрыв сложившихся водохозяйственных связей может привести к катастрофическим последствиям для экономики и населения всех республик региона. Встреча министров водного хозяйства в Ташкенте в октябре 1991 года, состоявшаяся еще до формального распада СССР, продемонстрировала понимание элитами необходимости сохранения координации в водной сфере. Принятое заявление о сохранении принципов водodelения и недопущении односторонних действий заложило концептуальную основу будущего сотрудничества, хотя и не имело формального статуса международного договора¹²⁵.

Алматинское соглашение от 18 февраля 1992 года «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников»¹²⁶ стало первым полноценным международным договором независимых государств Центральной Азии в водной сфере. Анализ юридического содержания данного соглашения выявляет его компромиссный и во многом противоречивый характер. С одной стороны, документ провозглашает принцип совместного управления водными ресурсами и их рационального использования, с другой - признает суверенные права государств на водные ресурсы, расположенные на их территории. Эта двойственность отражала сложность перехода от унитарной системы

¹²⁵ Заявление руководителей водохозяйственных органов республик Средней Азии и Казахстана от 12 октября 1991 г., г. Ташкент // Международный фонд спасения Арала. Правовые и институциональные документы. URL: https://cawater-info.net/library/rus/ifas_documents.pdf (дата обращения: 21.11.2025). С. 11.

¹²⁶ Соглашение между Республикой Казахстан, Республикой Кыргызстан, Республикой Узбекистан, Республикой Таджикистан и Туркменистаном «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» Официальный сайт. URL: http://www.icwc-aral.uz/statute1_ru.htm (дата обращения: 12.02.2025г.)

управления к межгосударственной координации при сохранении национального суверенитета.

Институциональное оформление регионального сотрудничества через создание Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК) и сохранение бассейновых водохозяйственных объединений (БВО) «Амударья» и «Сырдарья» представляло попытку обеспечить преемственность технического управления водными ресурсами. Однако правовой статус этих организаций остался неопределенным: формально являясь межгосударственными органами, они сохранили многие черты советских ведомственных структур, что создавало коллизии между их наднациональными функциями и принципом государственного суверенитета. Отсутствие у МКВК и БВО международной правосубъектности ограничивало их возможности в развитии сотрудничества с международными организациями и привлечении внешнего финансирования¹²⁷.

Развитие региональной договорной базы в 1993-1999 годах характеризовалось расширением предметной сферы сотрудничества и попытками решения конкретных проблем, возникших в процессе суверенного развития государств. Создание Международного фонда спасения Арала (МФСА) и принятие серии соглашений о его статусе отражало стремление придать водному сотрудничеству более высокий политический статус и привлечь международное внимание к проблемам региона. Нукуская декларация 1995 года¹²⁸ расширила повестку сотрудничества, включив в нее вопросы устойчивого развития и экологической безопасности. Однако анализ практики реализации этих соглашений показывает, что декларативный характер большинства положений и отсутствие механизмов принуждения к исполнению обязательств существенно снижали их эффективность.

¹²⁷ Imran M. Legal personality of international organizations: a brief survey //The IUP Law Review. – 2021. – Т. 11. – №. 3. – С. 01-20.

¹²⁸ Нукуская декларация государств Центральной Азии и международных организаций по проблемам устойчивого развития бассейна Аральского моря. Официальный сайт. URL: <https://cawater-info.net/library/rus/nukus.pdf> (дата обращения: 12.02.2025г.)

Особое место в системе региональных соглашений занимают попытки решения водно-энергетических противоречий в бассейне реки Сырдарья. Соглашение 1998 года между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья представляло инновационную для того времени попытку увязать режимы использования водных и энергетических ресурсов через механизм бартерного обмена¹²⁹. Схема предусматривала летние попуски воды из Токтогульского водохранилища для нужд орошения в обмен на поставки энергоносителей в Кыргызстан в зимний период. Однако несовершенство механизма взаимных расчетов, отсутствие четких санкций за неисполнение обязательств и изменение экономических приоритетов государств привели к постепенному отказу от данной схемы.

Анализ эволюции правовых подходов в региональных соглашениях выявляет постепенный переход от попыток сохранения единой системы управления к признанию различий в национальных интересах и поиску компромиссных решений. Если первые соглашения исходили из презумпции общности интересов и необходимости совместного управления, то последующие документы все больше акцентировали внимание на двустороннем сотрудничестве и решении конкретных проблем. Соглашение между Казахстаном и Кыргызстаном по рекам Чу и Талас 2000 года продемонстрировало эффективность узкоспециализированного подхода, сфокусированного на конкретных водных объектах и практических вопросах финансирования эксплуатации гидротехнических сооружений¹³⁰.

Современное состояние региональной договорной базы характеризуется наличием множественных, часто пересекающихся правовых режимов, отсутствием четкой иерархии норм и механизмов разрешения коллизий между различными соглашениями.

¹²⁹ Соглашение между Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Узбекистан об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья. Официальный сайт. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/Agreement%20on> (дата обращения: 12.02.2025г.)

¹³⁰ Закон Республики Казахстан от 7 марта 2002 года № 301 «О ратификации Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Кыргызской Республики об использовании водохозяйственных сооружений межгосударственного пользования на реках Чу и Талас». Официальный сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000301> (дата обращения: 12.02.2025г.)

Параллельное существование региональных (в рамках МФСА и МКВК), субрегиональных (трехсторонние и двусторонние соглашения) и секторальных (водно-энергетические соглашения) договоренностей создает сложную правовую мозаику, затрудняющую определение применимых норм и процедур. Кроме того, неучастие отдельных государств в тех или иных механизмах (выход Туркменистана из МФСА, приостановка участия Таджикистана) создает дополнительные правовые лакуны.

Сопоставление региональных соглашений с современными принципами международного водного права выявляет существенные расхождения в подходах и механизмах регулирования. В то время как международное водное право, кодифицированное в Конвенции ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года¹³¹ и Конвенции ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 года¹³², основывается на принципах справедливого и разумного использования, обязательстве не причинять значительный ущерб и процедурных требованиях по уведомлению и консультациям, региональные соглашения Центральной Азии сохраняют ориентацию на фиксированное водораспределение без механизмов адаптации к изменяющимся условиям.

Вызовы, стоящие перед региональной системой водных соглашений, включают необходимость адаптации к изменению климата, учета интересов Афганистана как возвращающегося участника регионального водного диалога, решения нарастающих противоречий между гидроэнергетическими планами стран верхнего течения и ирригационными потребностями стран нижнего течения, а также поиска устойчивых механизмов финансирования водохозяйственной инфраструктуры регионального значения. Попытки комплексного реформирования правовой базы, предпринимавшиеся в последние годы, включая разработку новой институциональной структуры МФСА и

¹³¹ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков. Принята резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи от 21 мая 1997 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (Дата обращения: 22.04.2025г.)

¹³² Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер от 17 марта 1992 года. // Сборник международных договоров Республики Узбекистан, 2007 г., № 4

региональной водной стратегии, пока не привели к консенсусу между государствами региона.

Перспективы развития региональных соглашений связаны с необходимостью перехода от фрагментарного к системному подходу в правовом регулировании, от деклараций к конкретным обязательствам, от сохранения статус-кво к управлению изменениями¹³³. Ключевыми элементами обновленной правовой архитектуры должны стать: инкорпорация современных принципов международного водного права, создание эффективных механизмов мониторинга и обеспечения соблюдения обязательств, развитие процедур адаптивного управления в условиях неопределенности, интеграция водных вопросов в более широкий контекст устойчивого развития и региональной безопасности. Только через сочетание политической воли, правовых инноваций и институциональных реформ возможно создание эффективной системы управления трансграничными водными ресурсами, отвечающей долгосрочным интересам всех государств и народов Центральной Азии.

ГЛАВА III. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОД АМУДАРЬИ

3.1. Исторический анализ правового регулирования водных ресурсов в советский период

¹³³ Cooley H., Gleick P. H. Climate-proofing transboundary water agreements //Hydrological Sciences Journal. – 2011. – Т. 56. – №. 4. – С. 711-718.

Правовое регулирование водных ресурсов бассейна Амударьи в советский период представляет собой уникальный исторический опыт управления трансграничной рекой в рамках единого государства, когда административные границы союзных республик не рассматривались как препятствие для комплексного использования водных ресурсов. Этот опыт, несмотря на его противоречивость и катастрофические экологические последствия, заложил основы современной водохозяйственной инфраструктуры и во многом определил характер постсоветского водного сотрудничества в регионе. Понимание эволюции советской системы управления водными ресурсами необходимо для анализа современных правовых механизмов и выработки эффективных подходов к решению водных проблем Центральной Азии.

Формирование новой системы правового регулирования водных ресурсов началось с принятия Декрета о земле 26 октября (8 ноября) 1917 года¹³⁴. В соответствии с пунктом 4 Декрета, который включал «Примерный наказ, составленный на основании 242 наказов», все водные ресурсы объявлялись общенародным земельным фондом и поступали в ведение и распоряжение земельных комитетов. Декрет определил новые принципы: право частной собственности на землю отменялось, вся земля объявлялась всенародным достоянием, что означало национализацию не только земельных, но и водных ресурсов.

Особое значение для Средней Азии имела ликвидация традиционных форм водовладения. В дореволюционном Туркестане существовала сложная система водных прав, основанная на мусульманском праве (шариате) и местных обычаях (адате), включавшая частную собственность на воду, вакфное водовладение и общинное водопользование. Советская власть полностью упразднила эти формы, установив исключительную государственную собственность на все водные ресурсы.

Национально-территориальное размежевание Средней Азии 1924-1925 годов кардинально изменило территориально-административную структуру управления

¹³⁴ Декрет о земле съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, от 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 17-20. https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_zemle.htm

водными ресурсами региона. 12 июня 1924 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление «О национальном размежевании республик Средней Азии»¹³⁵. В результате размежевания территория бассейна Амударьи была разделена между вновь образованными союзными республиками: Узбекской ССР, Туркменской ССР и Таджикской АССР в составе Узбекской ССР. При проведении границ в качестве основы для размежевания взят был принцип национально-политический, что привело к разделению единых ирригационных систем между различными республиками.

Важнейшим рубежом, определившим направление развития водного хозяйства региона на десятилетия вперед, стали решения XVII съезда ВКП(б) (26 января - 10 февраля 1934 г.) о задачах второй пятилетки в области развития хлопководства¹³⁶. Съезд поставил задачу довести урожайность хлопка к концу второй пятилетки до 12 центнеров с гектара и обеспечить полную хлопковую независимость СССР¹³⁷. Эти решения закрепили приоритет хлопководства в экономике среднеазиатских республик и предопределили экстенсивный путь развития орошаемого земледелия за счет освоения новых земель и увеличения водозаборов из Амударьи. Реализация поставленных задач привела к тому, что уже в 1937 году урожайность хлопка в поливных районах достигла 14,5 центнера с гектара, превысив плановые показатели¹³⁸.

Формирование правовой базы водопользования (1950-1970-е годы)

Начиная с 1950-х годов, в рамках общесоюзной политики развития ирригации и хлопководства, формировалась система межреспубликанского распределения водных ресурсов Амударьи и Сырдарьи. В этот период были заложены основы централизованного управления водными ресурсами региона, созданы межреспубликанские механизмы координации водопользования, которые впоследствии эволюционировали в бассейновые водохозяйственные объединения. Данный подход

¹³⁵ Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О национальном размежевании среднеазиатских республик». 12 июня 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 443. Л. 3, 4. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/38471-postanovlenie-politbyuro-tsk-rkp-b-locale-nil-o-natsionalnom-razmezhevanii-sredneaziatskih-respublik-locale-nil-12-iyunya-1924-g> (Дата обращения: 12.09.2025 г.)

¹³⁶ XVII съезд ВКП(б). 26 января - 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. С. 45-47.

¹³⁷ Резолюции XVII съезда ВКП(б). О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933-1937 гг.) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М.: Политиздат, 1985. Т. 6. С. 132-148.

¹³⁸ Советский Узбекистан в борьбе за развитие хлопководства. 1918-1948 гг. / Под ред. Р.Х. Аминовой. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1949. С. 36.

отражал стремление союзного центра обеспечить планомерное развитие орошаемого земледелия в среднеазиатских республиках при сохранении единого управления трансграничными водными ресурсами.

Анализ совместных постановлений партии и правительства СССР 1939-1979 годов показывает их характер как системы нормативной регуляции эколого-экономических отношений, представлявших собой высшее партийно-государственное требование, обеспечиваемое характером политического режима. Эти постановления характеризовались систематическим игнорированием научных результатов о важности сохранения природных ресурсов. Идеократический характер принимаемых решений, направленных на освоение пустынных земель с целью повышения посевов хлопчатника, предопределил катастрофические экологические последствия¹³⁹.

Качественно новый уровень правового регулирования был достигнут с принятием Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик 10 декабря 1970 года¹⁴⁰. В соответствии с Конституцией СССР воды в Союзе Советских Социалистических Республик являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием. Основы закрепили принцип планового и комплексного использования вод с наибольшим народнохозяйственным эффектом, что теоретически должно было обеспечить рациональное водопользование.

На базе Основ водного законодательства СССР в начале 1970-х годов были приняты водные кодексы союзных республик. Водный кодекс РСФСР был утвержден Верховным Советом РСФСР 30 июня 1972 года и вступил в силу с 1 октября 1972 года¹⁴¹. Задачами водного законодательства являлись регулирование водных отношений в целях обеспечения научно обоснованного, рационального использования вод для нужд населения и народного хозяйства. В соответствии с Основами водного законодательства, аналогичные кодексы были разработаны в других союзных республиках, включая

¹³⁹ Zhiltsov S. S., Zonn I. S. Role of Water Resources in Central Asia. Post-Soviet Issues, 2019, no. 6(3):228-237, pp. 229-237. doi: 10.24975/2313-8920-2019-6-3-228-237

¹⁴⁰ Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик: утв. Законом СССР от 10 декабря 1970 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 50. Ст. 566.

¹⁴¹ Водный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 30 июня 1972 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1972. № 27. Ст. 692.

среднеазиатские, однако их положения носили во многом декларативный характер и подчинялись союзному законодательству.

Институциональная структура управления водными ресурсами

Центральным органом управления водным хозяйством стало Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР, созданное в 1965 году¹⁴², которое осуществляло планирование, проектирование и строительство крупных водохозяйственных объектов. В бассейне Амударьи действовали специализированные проектные организации, среди которых особое место занимал институт «Средазгипроводхлопок», базировавшийся в Ташкенте и специализировавшийся на проектировании ирригационных систем для хлопководства¹⁴³.

Ключевое значение для управления водными ресурсами имели Схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов (СКИОВР). В рамках системы планового распределения водных ресурсов бассейна Амударьи были установлены квоты водозабора между союзными республиками. Согласно межреспубликанским соглашениям, распределение водных ресурсов осуществлялось в следующих пропорциях: Узбекская ССР - 48,2%, Туркменская ССР - 35,8%, Таджикская ССР - 15,4%, с учетом небольшой доли Киргизской ССР и вычета объемов, предусмотренных для Афганистана¹⁴⁴.

Важнейшим институциональным изменением стало создание бассейновых водохозяйственных объединений. 27 августа 1987 года приказом Минводхоза СССР было создано Амударьинское бассейновое управление по межреспубликанскому распределению водных ресурсов (БВО «Амударья») с размещением в городе Ургенче. БВО «Амударья» являлось исполнительным и межведомственным контрольным органом, осуществлявшим оперативное управление водными ресурсами в бассейне реки.

¹⁴² О создании Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 сентября 1965 г. № 728 // СП СССР. 1965. № 19-20. Ст. 153.

¹⁴³ ВСН 33-2.2.03-86. Мелиоративные системы и сооружения. Дренаж на орошаемых землях. Нормы проектирования / Средазгипроводхлопок Минводхоза СССР. М.: Минводхоз СССР, 1986.

¹⁴⁴ Духовный В.А., Соколов В.И. Водные ресурсы Центральной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Ташкент: НИЦ МКВК, 2012. С. 156-157.

Экологическое измерение советской водной политики

Экологические последствия советской водохозяйственной политики в бассейне Амударьи начали проявляться с начала 1960-х годов, когда началось систематическое падение уровня Аральского моря. Деграция водоема началась в результате реализации новой экономической стратегии Советского Союза, направленной на достижение хлопковой независимости¹⁴⁵. С 1960 по 1990 год площадь орошаемых земель в Центральной Азии увеличилась с 4,5 млн до 7 млн га, а потребности народного хозяйства региона в воде возросли с 60 до 120 км³ в год, из которых 90% приходилось на орошение. К концу 1960-х годов поступление воды в море снизилось на 8 км³/год, что в сочетании с естественной маловодностью ряда лет привело к началу необратимых процессов¹⁴⁶.

Несмотря на очевидность развивающейся катастрофы, советское руководство долгое время не признавало серьезность проблемы. В 1960-х годах даже возобладала точка зрения, восходящая к идеям географа А.И. Воейкова, который называл Арал "ошибкой природы", а его существование - нецелесообразной растратой земель⁵. Ухудшающееся состояние Аральского моря скрывалось от широкой общественности вплоть до 1985 года, когда в условиях гласности М.С. Горбачев сделал эту экологическую катастрофу достоянием общественности⁶.

Попытки решения экологических проблем на государственном уровне были предприняты лишь в конце 1980-х годов под давлением массового экологического движения «Комитет по спасению Арала». Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 сентября 1988 года № 1110 «О мерах по коренному улучшению экологической и санитарной обстановки в районе Аральского моря, повышению эффективности использования и усилению охраны водных и земельных ресурсов в его бассейне»¹⁴⁷ официально признало катастрофический характер экологической ситуации.

¹⁴⁵ Духовный В.А. Водные ресурсы Центральной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Ташкент: НИЦ МКВК, 2012. С. 87.

¹⁴⁶ Аральское море. // https://www.cawater-info.net/bk/water_land_resources_use/docs/aral_sea.html (Дата обращения: 21.03.2025г.)

¹⁴⁷ О мерах по коренному улучшению экологической и санитарной обстановки в районе Аральского моря, повышению эффективности использования и усилению охраны водных и земельных ресурсов в его бассейне: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 сентября 1988 г. № 1110 // СП СССР. 1988. № 38. Ст. 107.

Однако меры, предусмотренные постановлением, носили преимущественно технократический характер, сосредоточившись на строительстве групповых водопроводов, объектов водоснабжения, канализации, очистных сооружений и магистральных коллекторов для отведения минерализованных дренажных вод. Эти меры не затрагивали коренных причин кризиса - экстенсивного развития орошаемого земледелия, монокультуры хлопчатника и неэффективного использования водных ресурсов.

Более того, даже в условиях очевидной экологической катастрофы продолжалось расширение орошаемых площадей, особенно в верховьях рек, что происходило в ущерб продуктивности староорошаемых земель в низовьях. К 1990 году площадь орошаемых земель в бассейне Аральского моря достигла 7,4 млн га против 5 млн га в 1960 году, а к концу 1990-х годов превысила 7,9 млн га¹⁴⁸. Расширение площадей часто проводилось без дренажа и с бесконтрольным водозабором, что привело к подъему уровня грунтовых вод, подтоплению и вторичному засолению земель¹⁴⁹. Таким образом, советская водохозяйственная политика до самого конца существования СССР продолжала следовать парадигме покорения природы, игнорируя накапливающиеся экологические проблемы.

Противоречия и наследие советской модели

Советская модель управления водными ресурсами характеризовалась фундаментальными противоречиями между декларируемыми принципами рационального водопользования и реальной практикой максимизации водозаборов для нужд орошаемого земледелия. Административно-командные методы управления, основанные на директивном планировании, не учитывали экологические ограничения и долгосрочные последствия интенсивной эксплуатации водных ресурсов. Система управления отражала доминирующую парадигму покорения природы, при которой

¹⁴⁸ Развитие орошения в регионе // CAWater-Info. URL: <http://www.cawater-info.net/bk/4-2-1-1-1.htm> (дата обращения: 03.12.2025).

¹⁴⁹ Деградация земель в Центральной Азии: оценка // Central Asia Analytical Network. URL: <https://www.caa-network.org/archives/13401> (дата обращения: 03.12.2025).

водные ресурсы рассматривались исключительно как производственный фактор для достижения плановых показателей сельскохозяйственного производства.

Особенностью советского подхода было сочетание централизованного планирования с ведомственной разобщенностью. Несмотря на существование бассейновых советов по воде и рыбе, они функционировали отдельно, что препятствовало комплексному управлению водными ресурсами. Идеократический характер принимаемых решений проявлялся в игнорировании научных результатов и экологических последствий при принятии важнейших водохозяйственных решений. Анализ 20 совместных постановлений партии и правительства СССР 1939-1979 годов показывает системный характер этой проблемы¹⁵⁰.

Реализация поставленных задач привела к тому, что уже в 1937 году урожайность хлопка в поливных районах достигла 14,5 центнера с гектара, превысив плановые показатели¹⁵¹. Однако эти достижения были получены ценой истощения водных ресурсов и деградации природных экосистем. К 1985 году в системе Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР насчитывалось 26 научно-исследовательских и 68 проектно-изыскательских институтов, 3660 строительных организаций, около 400 строительно-монтажных трестов и объединений. В системе Минводхоза СССР трудилось более 1,7 млн рабочих, инженерно-технических работников и ученых¹⁵².

Вместе с тем, советский период оставил значительное институциональное и инфраструктурное наследие. Принцип бассейнового управления, заложенный в советской системе, сохраняет свою актуальность и в современных условиях. В 1987 году была создана двухзвенная система управления с образованием бассейновых водохозяйственных объединений, включая БВО «Амударья». Экономическая неэффективность советской модели проявлялась в отсутствии механизмов рационального водопользования. Водные ресурсы предоставлялись бесплатно, что

¹⁵⁰ Шозимов П.Д., Маматканов А.Б. Экологическое правотворчество в Центральной Азии: проблемы и перспективы // Водное хозяйство Центральной Азии. 2019. № 2. С. 12-24.

¹⁵¹ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. С. 670-671.

¹⁵² Н.Кипшакбаев. Развитие водного хозяйства и мелиорации земель в Республике Казахстан за период 1966-1985. (К 50-летию государственной программы по развитию программы по развитию водного хозяйства и мелиорации земель в СССР). // Природоустройство. № 4. 2016 г. С. 58.

стимулировало их расточительное использование. Нормы водопотребления систематически превышались, потери воды в оросительных системах достигали 40-50%. При этом коэффициент полезного действия межхозяйственных оросительных систем в среднем по региону составлял всего 0,77, варьируя от 0,62 в Таджикистане до 0,83 в Казахстане и Узбекистане¹⁵³.

Наследие советской эпохи продолжает определять водную ситуацию в регионе. Сохраняющаяся инерция экстенсивного развития орошаемого земледелия, устаревшая инфраструктура, отсутствие экономических стимулов к водосбережению создают серьезные препятствия для устойчивого развития. По данным современных исследований, отсутствие полноценного сотрудничества по водным вопросам влечет за собой убытки, превышающие 4,5 млрд долларов США в год¹⁵⁴. Решение проблем справедливого распределения водотока Амударьи требует межгосударственного соглашения между всеми странами бассейна, включая Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Казахстан, Киргизию и Афганистан.

Критический анализ советского опыта показывает необходимость фундаментального изменения подходов к управлению водными ресурсами. Требуется переход от экстенсивного к интенсивному водопользованию, внедрение экономических механизмов регулирования, включая платное водопользование и стимулирование водосбережения. Необходим учет экологических требований, включая поддержание минимального экологического стока и сохранение водных экосистем. Важнейшим условием является обеспечение баланса интересов всех водопользователей на основе принципов справедливости и взаимной выгоды. Эти уроки имеют принципиальное значение для формирования современной системы международно-правового регулирования использования трансграничных водных ресурсов в Центральной Азии, которая должна основываться на принципах интегрированного управления водными

¹⁵³ Водные ресурсы бассейна Амударьи // CAWater-Info. URL: <https://www.cawater-info.net/amudarya-knowledge-base/water.htm>

¹⁵⁴ Жильцов С. С., Зонн И. С. Роль водных ресурсов в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. – 2019. – Т. 6. – №. 3. – С. 228-237.

ресурсами (ИУВР) с учетом экологических, экономических и социальных факторов устойчивого развития региона.

3.2. Трансформация водно-правового режима после обретения независимости странами Центральной Азии

Распад Советского Союза в декабре 1991 года привел к кардинальной трансформации системы управления водными ресурсами в Центральной Азии. Унитарная модель централизованного водораспределения, функционировавшая под эгидой Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР, внезапно оказалась разделенной между пятью суверенными государствами. Эта трансформация породила сложный комплекс институциональных, правовых и технических проблем, требовавших незамедлительного решения в условиях острого дефицита водных ресурсов и нарастающей экологической катастрофы Аральского моря.

Первым шагом к формированию новой системы межгосударственного водного сотрудничества стало Соглашение о сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников, подписанное 18 февраля 1992 года в Алма-Ате представителями Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана¹⁵⁵. Данное соглашение заложило основы регионального водного сотрудничества, подтвердив принцип сохранения существовавшей в советский период системы водораспределения и создав институциональную основу для совместного управления трансграничными водными ресурсами.

¹⁵⁵ Соглашение между Республикой Казахстан, Республикой Кыргызстан, Республикой Узбекистан, Республикой Таджикистан и Туркменистаном о сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников от 18 февраля 1992 г. // URL: http://www.icwc-aral.uz/statute1_ru.htm (дата обращения: 03.10.2025).

В соответствии с Алматинским соглашением была создана Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК) Центральной Азии, паритетно представляемая пятью министрами водного хозяйства или их первыми заместителями¹⁵⁶. МКВК стала ключевым органом межгосударственного управления водными ресурсами региона, ответственным за определение водохозяйственной политики, утверждение лимитов водозаборов и контроль за их соблюдением. МКВК через исполнительные органы осуществляет комплекс мер и процедур для обеспечения равноправного и справедливого распределения вод по всей длине межгосударственных источников.

Исполнительными органами МКВК стали бассейновые водохозяйственные объединения (БВО) «Амударья» и «Сырдарья», созданные еще в советский период в 1987 году. БВО «Амударья» осуществляет подачу установленных лимитов водных ресурсов в бассейне реки Амударья с целью обеспечения водой народного хозяйства и населения заинтересованных государств. Аналогичные функции выполняет БВО «Сырдарья» в бассейне одноименной реки, осуществляя оперативно-диспетчерское управление водными ресурсами и контролируя соблюдение лимитов водозаборов. Помимо БВО, в структуру исполнительных органов МКВК входит Научно-информационный центр (НИЦ МКВК), обеспечивающий информационно-аналитическую поддержку деятельности комиссии.

Следующим важным этапом институционализации регионального водного сотрудничества стало создание Международного фонда спасения Арала (МФСА) решением глав государств Центральной Азии 4 января 1993 года в городе Ташкент¹⁵⁷. Основной задачей МФСА является финансирование и кредитование совместных практических действий и перспективных программ и проектов спасения Арала, экологического оздоровления Приаралья и бассейна Аральского моря в целом¹⁵⁸.

¹⁵⁶ Положение о Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии (МКВК) // URL: http://www.icwc-aral.uz/statute4_ru.htm (дата обращения: 03.10.2025).

¹⁵⁷ Международный Фонд спасения Арала // URL: http://www.icwc-aral.uz/ifas_ru.htm (дата обращения: 03.10.2025).

¹⁵⁸ Международный Фонд спасения Арала. Официальный сайт // URL: <https://aral.uz/ifas.php> (дата обращения: 03.09.2025).

Создание МФСА отразило осознание государствами региона масштабов экологической катастрофы и необходимости консолидированных усилий для ее преодоления.

В феврале 1997 года главами государств была принята принципиальная схема управления МФСА, в соответствии с которой в состав фонда вошли Правление, Исполнительный комитет, Ревизионная комиссия, а также МКВК и Межгосударственная комиссия по устойчивому развитию (МКУР)¹⁵⁹. Такая структура обеспечила комплексный подход к решению водно-экологических проблем региона, объединив под эгидой МФСА органы, ответственные за управление водными ресурсами, охрану окружающей среды и устойчивое развитие. Страны-учредители поочередно председательствуют в фонде, а главы государств Центральной Азии поочередно избирают президента МФСА сроком на три года.

Параллельно с формированием межгосударственных институтов происходило становление национального водного законодательства новых независимых государств. Первым был принят Закон Республики Узбекистан «О воде и водопользовании» от 6 мая 1993 года¹⁶⁰, заложивший правовые основы водных отношений в стране. В законе установлено, что право на пользование водами из межгосударственных рек Амударьи, Сырдарьи, Зарафшан, Аральского моря и других устанавливается межгосударственными соглашениями. В 2025 году был принят новый Водный кодекс Узбекистана, вступивший в силу 31 октября 2025 года¹⁶¹.

Республика Казахстан приняла первый Водный кодекс 31 марта 1993 года, который утратил силу с принятием нового Водного кодекса от 9 апреля 2025 года¹⁶². Водный кодекс Туркменистана был принят в 2016 году¹⁶³, Водный кодекс Таджикистана - в 2000 году (обновлен 2 апреля 2020 года)¹⁶⁴, а Водный кодекс Кыргызстана - 27 июня 2025

¹⁵⁹ О фонде // Исполнительный комитет МФСА. URL: <http://www.ifas.kz/ru/page/o-fonde> (дата обращения: 05.10.2025).

¹⁶⁰ Закон Республики Узбекистан «О воде и водопользовании», от 06.05.1993 г. № 837-XII. // Национальная база данных законодательства 11.11.2024 г., № 03/24/995/0908.

¹⁶¹ Водный кодекс Республики Узбекистан, от 31.10.2025. <https://lex.uz/ru/docs/7658581> (Дата обращения: 12.08.2025г.)

¹⁶² Кодекс Республики Казахстан от 9 апреля 2025 года № 178-VIII «Водный кодекс Республики Казахстан». https://online.zakon.kz/document/?doc_id=32546243&pos=6;-106#pos=6;-106 (Дата обращения: 26.04.2025г.)

¹⁶³ Водный кодекс Туркменистана. Ведомости Меджлиса Туркменистана, 2016 г., № 4, ст. 139. <https://mejlis.gov.tm/single-code/24?lang=ru> (Дата обращения: 26.04.2025г.)

¹⁶⁴ Водный кодекс Республики Таджикистан от 2 апреля 2020 года № 1688. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36545569&pos=6;-106#pos=6;-106 (Дата обращения: 26.04.2025г.)

года¹⁶⁵. Таким образом, к середине 2000-х годов все государства Центральной Азии сформировали собственную национальную правовую базу в области водных отношений.

Важной особенностью постсоветского периода стало изменение приоритетов водопользования в странах верхнего течения. Таджикистан и Кыргызстан, лишившись дотаций из союзного бюджета и поставок энергоносителей по внутрисоюзным ценам, были вынуждены переориентировать использование водных ресурсов с ирригационного на энергетический режим. Это привело к нарастанию водно-энергетических противоречий между странами верховий, заинтересованными в зимней выработке электроэнергии, и странами низовий, нуждающимися в летних попусках воды для орошения.

Попыткой урегулирования водно-энергетических противоречий стало Соглашение между правительствами Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья, подписанное 17 марта 1998 года в Бишкеке¹⁶⁶. Согласно документу, излишки электроэнергии, выработанные каскадом Нарын-Сырдарьинских ГЭС сверх нужд Кыргызстана, передаются в Узбекистан и Казахстан. Взамен страны низовий обязались поставлять энергоносители (уголь, газ, мазут) для обеспечения энергетических потребностей Кыргызстана.

Однако механизм водно-энергетического обмена, предусмотренный соглашением 1998 года, оказался неустойчивым. Ученые отмечают, что в действительности как страны верхнего, так и нижнего течения нарушили положения соглашения¹⁶⁷. К середине 2000-х годов фактически прекратились взаимные поставки электроэнергии и энергоносителей, что привело к возврату к конфликтному режиму управления водно-энергетическими ресурсами. В 2023 году Казахстан заявил о намерении пересмотреть

¹⁶⁵ Водный кодекс Кыргызской Республики, от 27 июня 2025 года №128. // https://base2.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=168018 (дата обращения: 26.04.2025г.)

¹⁶⁶ Соглашение между Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Узбекистан об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья от 17 марта 1998 года // URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=4041 (дата обращения: 09.10.2025).

¹⁶⁷ Насколько продвинулось кыргызско-узбекское водное сотрудничество? // URL: https://www.water.gov.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=1528 (дата обращения: 03.10.2025).

соглашение, что свидетельствует о сохраняющейся актуальности водно-энергетической проблемы¹⁶⁸.

Особую остроту водно-энергетическим противоречиям придал проект строительства Рогунской ГЭС в Таджикистане. Строительство станции началось еще в 1976 году, но с распадом СССР было законсервировано, а построенная перемычка 8 мая 1993 года была размыта мощным паводком на реке Вахш. Возобновление строительства в 2000-х годах вызвало резкую критику со стороны Узбекистана, опасавшегося катастрофических последствий для орошаемого земледелия. Узбекистан мотивировал свою позицию прежде всего вероятными катастрофическими последствиями для региона в случае возможной аварии, указывая, что Рогунская ГЭС находится в зоне высокой сейсмичности на линии тектонического разлома¹⁶⁹. Параллельно в регионе возникали споры по другим водным объектам - в 2016 году обострилась ситуация вокруг Орто-Токойского водохранилища между Узбекистаном и Кыргызстаном¹⁷⁰, что свидетельствовало о системном характере водных противоречий в Центральной Азии.

Поворотным моментом в водно-энергетическом сотрудничестве стало подписание в июне 2022 года меморандума между Таджикистаном и Узбекистаном о поставках электроэнергии с Рогунской ГЭС. Это соглашение положило начало новому этапу взаимодействия, основанному на взаимовыгодном использовании водно-энергетических ресурсов региона. Договоренность о покупке Узбекистаном электроэнергии Рогунской ГЭС продемонстрировала возможность трансформации конфликтного потенциала гидроэнергетических проектов в механизм региональной кооперации.

Важную роль в развитии регионального водного сотрудничества играют программы бассейна Аральского моря (ПБАМ), разрабатываемые и реализуемые под эгидой МФСА. За время существования фонда были разработаны и реализованы четыре

¹⁶⁸ Казахстан планирует пересмотреть соглашение о воде с Узбекистаном и Кыргызстаном // Gazeta.uz. 03.07.2023. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/07/03/syrdarya/> (дата обращения: 03.10.2025).

¹⁶⁹ Борисова Е. А. Споры вокруг Рогунской ГЭС. // История и современность. Выпуск №1(13)/2011. С.93.

¹⁷⁰ Саидамиров Б. Ш., Торопыгин А. В. Водные проблемы Центральной Азии: механизмы решения на разных уровнях политического управления // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2018. – №. 4 (26). – С. 34-42.

программы: ПБАМ-1, принятая главами государств Центральной Азии в январе 1994 года (11 января 1994 года), период реализации 1994-1999 гг.; ПБАМ-2 (2002-2010), утвержденная Правлением МФСА 28 августа 2003 года; ПБАМ-3 (2011-2015) и ПБАМ-4 (2021-2030), утвержденная решением Правления МФСА 29 июня 2021 года¹⁷¹.

В рамках ПБАМ-1 в казахстанской части Приаралья был реализован крупномасштабный проект «Регулирование русла реки Сырдарьи и сохранение северной части Аральского моря» (РРССАМ-1) стоимостью 85,8 млн долларов, благодаря которому была восстановлена северная часть Аральского моря¹⁷².

ПБАМ-4 включает 34 инвестиционных проекта, которые будут способствовать достижению водной, экологической, продовольственной и энергетической безопасности в Центральной Азии¹⁷³. Основными целями программы являются улучшение условий жизни населения бассейна Аральского моря, расширение регионального сотрудничества, рациональное использование водных ресурсов и адаптация к изменению климата.

Существенным вызовом для водной безопасности региона становится афганский фактор. Из располагаемых к использованию ресурсов Амударьи для распределения между странами Центральной Азии традиционно вычитается предполагаемое использование Афганистаном в объеме 2,10 км³/год¹⁷⁴. Однако среди ожидаемых факторов ужесточения водного баланса бассейна следует ожидать увеличения отбора воды Афганистаном до 6 км³ к 2035-2045 годам, что вдвое превышает нынешний уровень водозабора¹⁷⁵.

Особую обеспокоенность вызывает начатое в марте 2022 года строительство ирригационного канала Кош-Тепа в Афганистане. Канал протяженностью 285-290 км

¹⁷¹ The Aral Sea Basin Programs // IFAS. URL: <https://kazaral.org/en/ifas/asbp/> (дата обращения: 03.12.2025); Программа действий по оказанию помощи странам бассейна Аральского моря // Аральское море МФСА. 22.07.2021. URL: <https://kazaral.org/programma-dejstvij-po-okazaniyu-pomoshhi-stranam-bassejna-aralskogo-morya-pbam-4/>; ПБАМ // Аральское море МФСА. URL: <http://kazaral.org/tag/pbam/>; 30.10.2020 // Аральское море МФСА. URL: <http://kazaral.org/2020/10/30/>

¹⁷² Программы бассейна Аральского моря // URL: http://www.icwc-aral.uz/asbp_ru.htm (дата обращения: 03.10.2025).

¹⁷³ ПБАМ-4 // Исполнительный комитет МФСА. URL: <https://ecifas-tj.org/pbam-4/> (дата обращения: 03.10.2025).

¹⁷⁴ Раздел 12. Тематические обзоры // Ежегодник МКБК 2022. URL: https://www.cawater-info.net/yearbook/2022/12_yearbook2022_05_ru.htm (дата обращения: 03.10.2025).

¹⁷⁵ Ключевые результаты проекта касательно существующих и будущих вызовов для бассейна Амударьи // URL: http://www.cawater-info.net/projects/peer-amudarya/key_findings.htm (дата обращения: 03.10.2025).

строится в расчете на забор воды из Амударьи до 10 кубокилометров в год¹⁷⁶. Проект реализуется без консультаций с прибрежными государствами и оценки трансграничного воздействия, что создает дополнительные риски для водной безопасности стран низовий.

Анализ тридцатилетнего опыта трансформации водно-правового режима в Центральной Азии выявляет противоречивые тенденции. С одной стороны, удалось избежать открытых водных конфликтов и сохранить базовые механизмы межгосударственного сотрудничества. Созданная институциональная архитектура (МФСА, МКВК, БВО) продолжает функционировать, обеспечивая платформу для диалога и координации. С другой стороны, нарастают центробежные тенденции, выражающиеся в приоритете национальных интересов над региональными, секьюритизации водной проблематики и отсутствии юридически обязывающих соглашений по основным трансграничным рекам.

Переход от советской унитарной модели к полицентричной системе управления водными ресурсами остается незавершенным. Сохраняющаяся инерция советских подходов сочетается с попытками внедрения современных принципов ИУВР, создавая гибридную модель управления с присущими ей внутренними противоречиями. В условиях нарастающего дефицита водных ресурсов, обусловленного изменением климата, ростом населения и увеличением водозабора Афганистаном, потребность в углублении регионального сотрудничества и выработке новых механизмов справедливого водораспределения становится все более острой. От способности государств Центральной Азии преодолеть узконациональные интересы и выработать взаимоприемлемые решения зависит не только водная, но и в целом региональная безопасность.

¹⁷⁶ Ильхамов А. Последствия строительства канала Кош-Тепа в Афганистане для системы водоснабжения в Узбекистане. <https://www.asiaterra.info/news/alisher-ilkhamov-posledstviya-stroitelstva-kanala-kosh-tepa-v-afganistane-dlya-sistemy-vodosnabzheniya-v-uzbekistane> (Дата обращения: 22.09.2025г.)

3.3. Национальное законодательство государств бассейна по регулированию водопользования

Формирование национальных систем водного права в государствах Центральной Азии началось практически одновременно с обретением независимости, что отражало понимание критической важности водных ресурсов для социально-экономического развития региона. Распад единой советской системы управления водными ресурсами потребовал от новых независимых государств создания собственной нормативно-правовой базы, которая бы учитывала, как национальные интересы, так и необходимость регионального сотрудничества в условиях трансграничного характера основных водных артерий.

Первопроходцами в создании национального водного законодательства стали Узбекистан и Казахстан, принявшие свои первые водные законы в 1993 году. Закон Республики Узбекистан «О воде и водопользовании» от 6 мая 1993 года заложил основы правового регулирования водных отношений в стране, установив государственную собственность на водные ресурсы и определив принципы их рационального использования. Водный кодекс Республики Казахстан от 31 марта 1993 года также закрепил исключительную государственную собственность на воды и создал правовую основу для управления водным фондом республики.

В настоящее время водное законодательство Туркменистана основывается на Водном Кодексе, принятой в 2016 году¹⁷⁷. Эта обновленная редакция стала важной вехой в развитии водного права страны, поскольку впервые были обозначены принципы интегрированного управления водными ресурсами, в том числе и бассейновое управление. Последующие изменения и дополнения вносились в 2019 и 2023 годах, что свидетельствует о постоянном совершенствовании правовой базы в соответствии с современными требованиями водохозяйственной практики.

¹⁷⁷ Водный кодекс Туркменистана. Ведомости Меджлиса Туркменистана, 2016 г., № 4, ст. 139. <https://mejlis.gov.tm/single-code/24?lang=ru> (Дата обращения: 26.04.2025г.)

Практическая реализация принципов бассейнового управления в Туркменистане началась с создания первого бассейнового совета реки Мургаб в июле 2018 года. Данный бассейновый совет является первым органом управления водными ресурсами в Туркменистане, созданным на основе гидрографического (бассейнового) принципа¹⁷⁸. Это событие ознаменовало переход от административно-территориального к гидрографическому принципу управления водными ресурсами, что соответствует международным стандартам и рекомендациям в области интегрированного управления водными ресурсами.

Водный кодекс Туркменистана структурирован по разделам, включающим общие положения, государственное управление и контроль в области использования и охраны вод, государственное планирование, учет вод и водный кадастр, а также различные виды водопользования. Кодекс устанавливает государственную собственность на водный фонд Туркменистана и детально регламентирует виды водопользования, включая общее, специальное и обособленное водопользование.

Таджикистан существенно обновил свое водное законодательство принятием нового Водного кодекса 2 апреля 2020 года¹⁷⁹, который заменил действовавший с 2000 года кодекс. Проект нового кодекса был разработан с целью выполнения пункта 5 Плана мероприятий «Программы реформы водной отрасли Республики Таджикистан на 2016-2025 годы». Новый кодекс состоит из 13 глав и 95 статей, существенно расширив и детализировав правовое регулирование водных отношений.

Одним из ключевых нововведений таджикского водного законодательства стало создание Национального водного совета как консультативно-совещательного органа при Правительстве. К полномочиям Национального водного совета относятся координация действий соответствующих министерств, ведомств, бассейновых советов рек, ассоциаций водопользователей, организаций частного сектора, а также

¹⁷⁸ Vinokurov E. et al. Регулирование водно-энергетического комплекса Центральной Азии (Regulation of the Water and Energy Complex of Central Asia). – 2022.

¹⁷⁹ Водный кодекс Республики Таджикистан от 2 апреля 2020 года № 1688. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36545569&pos=6;-106#pos=6;-106 (Дата обращения: 26.04.2025г.)

неправительственных организаций в области использования и охраны водных ресурсов. Кодекс также закрепил принцип бассейнового управления водными ресурсами в пределах гидрографических границ и предусмотрел создание пяти бассейновых зон: Сырдарьинской, Зеравшанской, Пянджской, Вахшской и Каферниганской.

Важной особенностью нового водного законодательства Таджикистана является детальное определение понятия «интегрированное управление водными ресурсами». Согласно кодексу, это система управления водными ресурсами, основанная на учете и взаимодействии водных (поверхностных, подземных и возвратных вод) и земельных, а также связанных с ними других природных ресурсов в определенных гидрографических границах, увязывающая интересы различных отраслей и уровней иерархии водопользования.

Кыргызская Республика до недавнего времени регулировала водные отношения на основе Водного кодекса от 12 января 2005 года. Главной особенностью предыдущего законодательства было установление платности прав водопользования, а также услуг по водоподаче и за сбросы в водные объекты и водохозяйственные сооружения загрязняющих веществ. Кодекс 2005 года неоднократно изменялся и дополнялся, последние существенные изменения были внесены в 2021 году.

Однако в апреле 2025 года в водном законодательстве Кыргызстана произошли кардинальные изменения. Президент С.Жапаров подписал новый Водный кодекс, который вступит в силу через шесть месяцев. Документ заменит более 15 устаревших нормативных актов и направлен на создание современной и прозрачной системы управления водными ресурсами страны. Среди ключевых нововведений - переход ирригационных сооружений сельских округов в государственную собственность, что должно обеспечить стабильное орошение и справедливый сбор платежей с водопользователей.

Особое внимание в новом кодексе Кыргызстана уделено экономическим механизмам регулирования. Важным изменением стало введение единой тарифной системы на использование воды. Ранее полив сельхозугодий зачастую был бесплатным,

теперь за водопользование придется платить всем, кроме случаев тушения пожаров и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Это изменение направлено на повышение эффективности использования водных ресурсов и снижение финансовой нагрузки на государство. Новое законодательство Кыргызстана также усиливает международное измерение водной политики¹⁸⁰. Новый кодекс регламентирует взаимодействие с соседними государствами по вопросам трансграничных вод. Кыргызстан закрепил право на получение компенсаций и контролирует совместное использование водных ресурсов в рамках международных соглашений. Это положение особенно важно для страны, являющейся зоной формирования стока для всего региона.

Общей чертой национального водного законодательства всех пяти государств является закрепление принципа государственной собственности на водные ресурсы. Это положение отражает как советское наследие, так и понимание стратегической важности воды для национальной безопасности и развития. Вместе с тем, каждая страна выработала свои особенности правового регулирования, отражающие географическое положение, водную обеспеченность и приоритеты экономического развития.

Институциональные механизмы управления

Страны верхнего течения - Кыргызстан и Таджикистан - в своем водном законодательстве особое внимание уделяют вопросам использования водных ресурсов для гидроэнергетики, что нашло отражение в соответствующих разделах их водных кодексов. Напротив, законодательство стран нижнего течения - Узбекистана, Казахстана и Туркменистана - традиционно фокусируется на вопросах ирригации и обеспечения водой сельского хозяйства, хотя в последние годы все большее внимание уделяется питьевому водоснабжению и экологическим аспектам.

В Узбекистане важную роль в управлении водными ресурсами на местном уровне играют ассоциации водопотребителей (АВП). АВП вправе прекращать подачу воды водопотребителям в случае нарушения правил водопользования, нецелевого

¹⁸⁰ Куленбеков Ж. Э. и др. Обзор и анализ эффективности международных нормативно-правовых актов и законов в сфере Интегрированного управления водными ресурсами в Центральной Азии //Проблемы постсоветского пространства. – 2022. – Т. 9. – №. 1. – С. 20-43.

использования воды, сверхлимитного водозабора, несвоевременной уплаты членских взносов. Эти организации стали связующим звеном между государственными водохозяйственными организациями и фермерскими хозяйствами, обеспечивая более эффективное распределение воды на местном уровне.

Анализ эволюции национального водного законодательства стран Центральной Азии показывает постепенный переход от простого закрепления государственной собственности и административных методов управления к более сложным правовым конструкциям, учитывающим необходимость бассейнового подхода, участия заинтересованных сторон и экономического стимулирования рационального водопользования. Внедрение принципов ИУВР, создание бассейновых советов, развитие ассоциаций водопользователей свидетельствуют о стремлении стран региона к современным подходам в управлении водными ресурсами.

Вместе с тем, сохраняются существенные различия в приоритетах и подходах между странами верхнего и нижнего течения, что создает дополнительные вызовы для регионального сотрудничества. Страны верховий продолжают рассматривать водные ресурсы прежде всего через призму гидроэнергетического потенциала, в то время как страны низовий озабочены обеспечением водой ирригационного земледелия. Эти различия находят отражение в национальном водном законодательстве и требуют дальнейшей гармонизации для эффективного управления трансграничными водными ресурсами региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование правовых механизмов трансграничного водного сотрудничества в бассейне Амударьи позволяет сформулировать ряд выводов теоретического и практического характера, имеющих значение как для развития науки международного водного права, так и для совершенствования практики управления трансграничными водными ресурсами в Центральной Азии.

Международное водное право представляет собой динамично развивающуюся систему норм и принципов, призванных обеспечить справедливое, эффективное и экологически устойчивое использование трансграничных водных ресурсов. Формирование этой отрасли международного права стало ответом на объективную необходимость согласования интересов государств, совместно использующих водные ресурсы, и предотвращения конфликтов в условиях нарастающего дефицита пресной воды. Эволюция международного водного права от крайних доктрин абсолютного территориального суверенитета и абсолютной территориальной целостности к концепции ограниченного территориального суверенитета отражает признание международным сообществом взаимозависимости прибрежных государств и необходимости баланса между правом на использование водных ресурсов и обязанностью учитывать интересы других государств водотока. Кодификация основных принципов международного водного права в Конвенции ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года и Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озёр 1992 года создала универсальную правовую основу для регулирования трансграничных водных отношений, которая может быть адаптирована к специфическим условиям различных регионов мира.

Принцип справедливого и разумного использования водных ресурсов, занимающий центральное место в системе международного водного права, представляет собой не абстрактную декларацию, а конкретный правовой стандарт, применение которого

требует всестороннего анализа множества факторов естественного и социально-экономического характера. Исследование показало, что данный принцип не предполагает арифметического равенства в распределении водных ресурсов между государствами, а требует сбалансированного учёта всех относящихся к делу обстоятельств, включая географические и гидрологические характеристики бассейна, социальные и экономические потребности прибрежных государств, население, зависящее от водотока, существующее и потенциальное использование, наличие альтернатив и меры по сохранению водных ресурсов. Взаимосвязь принципа справедливого и разумного использования с обязательством не причинять значительного ущерба другим государствам водотока создаёт целостную правовую конструкцию, обеспечивающую защиту законных интересов всех прибрежных государств при одновременном признании их права на развитие. Для государств Центральной Азии, характеризующихся существенными различиями в географическом положении, структуре экономики и приоритетах водопользования, применение этих принципов требует особого внимания к региональной специфике и готовности к поиску взаимоприемлемых компромиссов.

Присоединение Узбекистана и Казахстана к обеим конвенциям создаёт правовую основу для применения их положений в региональном контексте. Туркменистан является участником Хельсинкской конвенции 1992 года, однако не присоединился к Конвенции ООН 1997 года. Неучастие Таджикистана и Кыргызстана в обеих конвенциях, а также отсутствие Туркменистана среди участников Конвенции ООН 1997 года ограничивает возможности формирования единого правового пространства в бассейнах Амударьи и Сырдарьи. Тем не менее многие положения этих конвенций рассматриваются как отражение обычного международного права и могут применяться независимо от формального участия государств, что расширяет возможности их использования в качестве ориентира при разрешении водных споров и развитии регионального сотрудничества.

Региональная система правового регулирования водных отношений в Центральной Азии, сформировавшаяся после распада Советского Союза, представляет собой уникальный феномен в международном водном праве, характеризующийся сочетанием советского институционального наследия и элементов постсоветской трансформации. Алматинское соглашение 1992 года, создание Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии, Международного фонда спасения Арала и бассейновых водохозяйственных объединений заложили основы регионального сотрудничества и позволили избежать открытых водных конфликтов в критический период становления независимых государств. Вместе с тем исследование выявило существенные ограничения сложившейся системы, включая недостаточность полномочий региональных институтов для принятия обязательных решений, слабость финансовой базы, отсутствие эффективных механизмов обеспечения исполнения принимаемых решений и периодические разногласия между государствами по ключевым вопросам водопользования. Преобладание декларативных положений над конкретными обязательствами, ориентация на сохранение статус-кво вместо управления изменениями, недостаточная интеграция экологических соображений в практику водораспределения свидетельствуют о необходимости модернизации региональной правовой базы с учётом современных принципов международного водного права и новых вызовов водной безопасности.

Исторический анализ правового регулирования водных ресурсов в советский период позволил выявить истоки многих современных проблем и понять логику формирования существующей водохозяйственной системы. Советская модель управления водными ресурсами, основанная на централизованном планировании и административном распределении, обеспечивала координацию водопользования в масштабах всего региона, однако была ориентирована на максимизацию водозаборов для нужд хлопководства без должного учёта экологических последствий и долгосрочной устойчивости. Катастрофа Аральского моря стала наглядным свидетельством порочности избранной модели развития, при которой экономические интересы

систематически превалировали над экологическими требованиями, а научные предупреждения игнорировались в угоду идеологическим установкам. Вместе с тем советский период оставил значительное инфраструктурное и институциональное наследие, включая разветвлённую систему ирригационных сооружений, механизмы межреспубликанской координации водопользования и традиции технического сотрудничества, которые продолжают оказывать влияние на современную практику управления водными ресурсами.

Трансформация водно-правового режима после обретения независимости государствами Центральной Азии характеризовалась противоречивыми тенденциями, отражающими сложность перехода от унитарной системы управления к межгосударственной координации суверенных субъектов. С одной стороны, государства региона продемонстрировали понимание необходимости сохранения сотрудничества в водной сфере и оперативно создали институциональные механизмы для координации водопользования. С другой стороны, приоритет национальных интересов над региональными, изменение структуры экономики и энергетических приоритетов, особенно в странах верхнего течения, привели к нарастанию противоречий между ирригационным и гидроэнергетическим использованием водных ресурсов. Водно-энергетические соглашения 1990-х годов, предусматривавшие обмен летних пусков воды на поставки энергоносителей, оказались неустойчивыми и фактически прекратили действие к середине 2000-х годов. Вместе с тем последние годы характеризуются позитивными сдвигами в региональных отношениях, включая нормализацию узбекско-таджикских отношений, договорённости о поставках электроэнергии с Рогунской ГЭС и активизацию диалога по водным вопросам на высшем уровне, что создаёт предпосылки для выработки новых механизмов сотрудничества.

Сравнительный анализ национального водного законодательства государств бассейна Амударьи выявил как общие черты, так и существенные различия в правовых подходах к регулированию водных отношений. Общей характеристикой является

закрепление принципа государственной собственности на водные ресурсы, отражающего как советское наследие, так и понимание стратегической важности воды для национального развития. Вместе с тем государства выработали различные модели управления водными ресурсами, отражающие их географическое положение, экономические приоритеты и институциональные традиции. Примечательной тенденцией последних лет является масштабное обновление национального водного законодательства: новые водные кодексы приняты в Таджикистане в 2020 году, в Узбекистане и Казахстане в 2025 году, в Кыргызстане также в 2025 году. Это обновление свидетельствует о стремлении государств адаптировать правовую базу к современным требованиям, включая внедрение принципов интегрированного управления водными ресурсами, бассейнового подхода, участия заинтересованных сторон и экономического стимулирования рационального водопользования. Однако гармонизация национального законодательства на региональном уровне остаётся незавершённой задачей, а различия в приоритетах между странами верхнего и нижнего течения продолжают создавать вызовы для регионального сотрудничества.

Особую озабоченность вызывает появление новых факторов неопределённости в водном балансе бассейна Амударьи, прежде всего связанных с водохозяйственной деятельностью Афганистана. Начало строительства ирригационного канала Кош-Тепа без предварительных консультаций с прибрежными государствами и оценки трансграничного воздействия создаёт прецедент одностороннего изменения сложившегося режима водопользования и ставит под вопрос эффективность существующих механизмов регионального сотрудничества.

Изменение климата представляет собой ещё один фундаментальный вызов для водной безопасности региона, последствия которого будут нарастать в предстоящие десятилетия. Ускоренное таяние ледников Памира и Тянь-Шаня, формирующих сток Амударьи и Сырдарьи, изменение режима осадков, учащение экстремальных гидрологических явлений требуют адаптации правовых механизмов управления водными ресурсами к условиям повышенной неопределённости. Исторически

сложившиеся схемы водораспределения, основанные на средних многолетних показателях стока, могут оказаться неадекватными в условиях возрастающей изменчивости гидрологического режима, что потребует разработки более гибких и адаптивных механизмов, способных реагировать на меняющиеся условия. Интеграция климатических соображений в правовую базу трансграничного водного сотрудничества, развитие систем раннего предупреждения, совместное планирование адаптационных мер становятся необходимыми элементами устойчивого управления водными ресурсами региона.

Для Республики Узбекистан результаты проведённого исследования имеют непосредственное практическое значение в контексте обеспечения национальной водной безопасности и защиты законных интересов страны в области трансграничного водопользования. Критическая зависимость экономики и продовольственной безопасности страны от орошаемого земледелия, расположение в среднем и нижнем течении основных трансграничных рек, непосредственная подверженность последствиям Аральской катастрофы определяют особую заинтересованность Узбекистана в укреплении правовой базы регионального водного сотрудничества на основе универсальных принципов международного водного права. Присоединение страны к Конвенции ООН 1997 года и Хельсинкской конвенции 1992 года создало правовую основу для защиты национальных интересов с опорой на международно признанные принципы справедливого и разумного использования, непричинения значительного ущерба и обязательного предварительного уведомления о планируемых мерах. Последовательное применение этих принципов в региональном диалоге, подкреплённое глубоким пониманием их содержания и международной практики применения, является необходимым условием эффективной защиты водных интересов Узбекистана.

Совершенствование правовой базы трансграничного водного сотрудничества в Центральной Азии требует движения по нескольким взаимосвязанным направлениям. Прежде всего, необходима модернизация региональных соглашений с учётом

современных принципов международного водного права, включая более чёткое закрепление обязательств государств, создание эффективных механизмов мониторинга и обеспечения соблюдения договорённостей, интеграцию экологических требований в практику водораспределения. Важным шагом стало бы присоединение всех государств региона к универсальным водным конвенциям, что создало бы единую правовую основу для регионального сотрудничества и облегчило бы применение международно признанных принципов и процедур. Укрепление институциональных механизмов сотрудничества, прежде всего Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии и бассейновых водохозяйственных объединений, через расширение их полномочий, обеспечение стабильного финансирования и повышение транспарентности деятельности является необходимым условием эффективного управления трансграничными водными ресурсами. Развитие систем совместного мониторинга и обмена информацией, включая использование современных технологий дистанционного зондирования и автоматизированного сбора данных, позволит создать объективную информационную основу для принятия управленческих решений и снизить потенциал для конфликтов, основанных на недостатке или искажении информации.

Экологическое измерение водной проблемы требует особого внимания и интеграции в правовую базу регионального сотрудничества. Обеспечение экологического стока в Аральское море, хотя и не способно восстановить водоём в его прежних границах, является необходимым условием для стабилизации экологической ситуации в Приаралье и смягчения последствий катастрофы для населения прилегающих территорий. Развитие правовых механизмов охраны качества трансграничных вод, предотвращения загрязнения из сельскохозяйственных и промышленных источников, защиты водных экосистем становится всё более актуальным по мере интенсификации хозяйственной деятельности в бассейне. Признание экологических требований в качестве неотъемлемого элемента справедливого и разумного использования водных ресурсов, а не второстепенного

соображения, уступающего экономическим интересам, должно стать принципиальной основой для модернизации региональной правовой базы.

Перспективы развития трансграничного водного сотрудничества в Центральной Азии во многом зависят от политической воли государств региона к преодолению узконациональных интересов и выработке взаимоприемлемых решений на основе международного права. Позитивные тенденции последних лет, включая нормализацию двусторонних отношений, активизацию регионального диалога и готовность к поиску компромиссов, создают благоприятные условия для качественного укрепления правовой базы сотрудничества. Опыт других регионов мира, где государствам удалось создать эффективные механизмы совместного управления трансграничными водными ресурсами, свидетельствует о том, что водное сотрудничество может стать не источником конфликтов, а фактором интеграции и устойчивого развития. Для Центральной Азии, где водные ресурсы имеют жизненно важное значение для экономики и населения всех государств, выработка справедливых и устойчивых механизмов водораспределения является не просто желательной целью, а императивом выживания и развития.

Настоящее исследование не претендует на исчерпывающее освещение всех аспектов правового регулирования трансграничных водных ресурсов в бассейне Амударьи, однако автор надеется, что представленный анализ будет полезен для понимания сложности проблемы, оценки существующих правовых механизмов и определения направлений их совершенствования. Дальнейшие исследования в этой области могли бы быть посвящены более детальному анализу практики применения международных водных конвенций в региональном контексте, сравнительному изучению опыта других трансграничных бассейнов, разработке конкретных предложений по модернизации региональных соглашений, исследованию правовых аспектов адаптации к изменению климата и вовлечения Афганистана в региональную систему водного сотрудничества. Вода, являющаяся источником жизни и основой цивилизации, должна стать не яблоком раздора, а связующим звеном между народами

Центральной Азии, объединёнными общей судьбой и общей ответственностью за сохранение этого бесценного ресурса для будущих поколений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативно-правовые акты

1.1. Международные конвенции и соглашения

1. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. = Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses (New York, 21 May 1997) // UN Doc. A/51/869. – Вступила в силу 17 августа 2014 г.

2. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озёр 1992 г. = Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes (Helsinki, 17 March 1992) // 1936 UNTS 269. – Вступила в силу 6 октября 1996 г.

3. Протокол по проблемам воды и здоровья к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озёр 1999 г. = Protocol on Water and Health to the 1992 Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes (London, 17 June 1999). – Вступил в силу 4 августа 2005 г.

4. Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г. = Convention on Environmental Impact Assessment in a Transboundary Context (Espoo, 25 February 1991) // 1989 UNTS 309. – Вступила в силу 10 сентября 1997 г.

5. Хельсинкские правила использования вод международных рек 1966 г. = The Helsinki Rules on the Uses of the Waters of International Rivers // Report of the Fifty-Second Conference of the International Law Association (Helsinki, 1966). – P. 484–532.

6. Берлинские правила о водных ресурсах 2004 г. = The Berlin Rules on Water Resources // Report of the Seventy-First Conference of the International Law Association (Berlin, 2004).

1.2. Региональные соглашения стран Центральной Азии

7. Соглашение между Республикой Казахстан, Республикой Кыргызстан, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников от 18 февраля 1992 г. (Алматинское соглашение).

8. Соглашение о совместных действиях по решению проблемы Аральского моря и Приаралья, экологическому оздоровлению и обеспечению социально-экономического развития Аральского региона от 26 марта 1993 г. (Кзыл-Ординское соглашение).

9. Положение о Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии (МКВК), утверждённое решением глав государств Центральной Азии 18 февраля 1992 г.

10. Положение о Международном фонде спасения Арала (МФСА), утверждённое главами государств-учредителей 4 января 1993 г.

11. Нукусская декларация государств Центральной Азии и международных организаций по проблемам устойчивого развития бассейна Аральского моря от 20 сентября 1995 г.

12. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Кыргызской Республики об использовании водохозяйственных сооружений межгосударственного пользования на реках Чу и Талас от 21 января 2000 г.

13. Рамочная конвенция об охране окружающей среды для устойчивого развития в Центральной Азии от 22 ноября 2006 г. (Ашхабадская конвенция).

1.3. Национальное законодательство

14. Водный кодекс Республики Узбекистан от 30 июля 2025 г. № ЗРК-1076. – Вступает в силу 31 октября 2025 г.

15. Закон Республики Узбекистан «О воде и водопользовании» от 6 мая 1993 г. № 837-ХІІ (утратил силу).

16. Закон Республики Узбекистан «О питьевом водоснабжении и отведении сточных вод» от 22 июля 2022 г. № ЗРУ-784.

17. Водный кодекс Республики Казахстан от 9 апреля 2025 г. № 178-VIII ЗРК. – Вступил в силу 10 июня 2025 г.

18. Водный кодекс Республики Казахстан от 9 июля 2003 г. № 481-II (утратил силу).

19. Водный кодекс Кыргызской Республики от 27 июня 2025 г. № 128. – Вступает в силу по истечении 6 месяцев после опубликования.

20. Водный кодекс Кыргызской Республики от 12 января 2005 г. № 8 (утратил силу).

21. Закон Кыргызской Республики «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики» от 23 июля 2001 г. № 76 (утратил силу).

22. Водный кодекс Республики Таджикистан от 2 апреля 2020 г. № 1688.

23. Водный кодекс Республики Таджикистан от 20 ноября 2000 г. (утратил силу).

24. Закон Республики Таджикистан «О питьевом водоснабжении и водоотведении» от 19 июля 2019 г. № 1633.

25. Кодекс Туркменистана «О воде» от 1 ноября 2004 г.

II. Монографии и книги

26. Виноградов, С. В. Правовое регулирование трансграничных водотоков: Источники, инструменты и основные принципы / С. В. Виноградов. – М., 2002. – 256 с.

27. Духовный, В. А. Будущее бассейна Амударьи в условиях изменения климата: Результаты исследовательского проекта PEER / под ред. В. А. Духовного. – Ташкент: НИЦ МКВК, 2018. – 180 с.

28. Духовный, В. А. Интегрированное управление водными ресурсами: от теории к реальной практике. Опыт Центральной Азии / В. А. Духовный, В. И. Соколов. – Ташкент: НИЦ МКВК, 2005. – 364 с.

29. Зонн, И. С. Озеро «Алтын Асыр» и водные ресурсы Туркменистана / И. С. Зонн, А. В. Белусова, А. Г. Костяной. – М.: Springer, 2014. – 158 с.
30. Колбасов, О. С. Международно-правовая охрана окружающей среды / О. С. Колбасов. – М.: Международные отношения, 1982. – 240 с.
31. Копылов, М. Н. Международное экологическое право / М. Н. Копылов. – М.: РУДН, 2012. – 320 с.
32. Соколов, В. И. Опыт интегрированного управления водными ресурсами в Центральной Азии / В. И. Соколов. – Ташкент: НИЦ МКВК, 2006. – 180 с.
33. Boisson de Chazournes, L. Fresh Water in International Law / L. Boisson de Chazournes. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 296 p.
34. Boisson de Chazournes, L. The United Nations Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses: A Commentary / L. Boisson de Chazournes, M. M. Mbengue, M. K. Tignino et al. (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 608 p.
35. Dukhovny, V. A. Water in Central Asia: Past, Present, Future / V. A. Dukhovny, J. de Schutter. – London: CRC Press/Balkema, Taylor & Francis Group, 2011. – 408 p.
36. McCaffrey, S. C. The Law of International Watercourses / S. C. McCaffrey. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 642 p.
37. McIntyre, O. Environmental Protection of International Watercourses under International Law / O. McIntyre. – Aldershot: Ashgate Publishing, 2007. – 410 p.
38. Rieu-Clarke, A. International Law and Sustainable Development: Lessons from the Law of International Watercourses / A. Rieu-Clarke. – London: IWA Publishing, 2005. – 196 p.
39. Salman, S. M. A. The World Bank Policy for Projects on International Waterways: An Historical and Legal Analysis / S. M. A. Salman. – Washington, D.C.: World Bank, 2009. – 180 p.

40. Tanzi, A. The United Nations Convention on the Law of International Watercourses: A Framework for Sharing / A. Tanzi, M. Arcari. – The Hague: Kluwer Law International, 2001. – 384 p.

41. Weinthal, E. State Making and Environmental Cooperation: Linking Domestic and International Politics in Central Asia / E. Weinthal. – Cambridge, MA: MIT Press, 2002. – 304 p.

42. Wouters, P. International Water Law: Selected Writings of Professor Charles B. Bourne / P. Wouters (ed.). – London: Kluwer Law International, 1997. – 500 p.

43. Xenarios, S. The Aral Sea Basin: Water for Sustainable Development in Central Asia / S. Xenarios et al. (eds.). – London: Routledge, 2019. – 324 p.

44. Ziganshina, D. Promoting Transboundary Water Security in the Aral Sea Basin through International Law / D. Ziganshina. – Leiden/Boston: Brill/Nijhoff, 2014. – 350 p. – (International Water Law Series, Volume 3).

III. Научные статьи

45. Духовный, В. А. Бассейн Аральского моря: слухи, реальность, перспективы / В. А. Духовный // Мелиорация и водное хозяйство. – 2003. – Т. 52. – С. 115–122.

46. Соколов, В. И. Опыт реформирования водного сектора в Центральной Азии / В. И. Соколов // Вода Центральной Азии / под ред. М. М. Рахамана, О. Вариса. – Хельсинки: Water & Development Publications, 2008. – С. 19–31.

47. Dukhovny, V. A. Drainage in the Aral Sea Basin / V. A. Dukhovny, P. Umarov, H. Yakubov, C. A. Madramootoo // Irrigation and Drainage. – 2007. – Vol. 56. – P. S92–S98.

48. McCaffrey, S. C. The International Law Commission Adopts Draft Articles on Transboundary Aquifers / S. C. McCaffrey // American Journal of International Law. – 2009. – Vol. 103. – P. 272–293.

49. McIntyre, O. The World Court's Ongoing Contribution to International Water Law: The Pulp Mills Case between Argentina and Uruguay / O. McIntyre // Water Alternatives. – 2011. – Vol. 4, No. 2. – P. 124–143.

50. Salman, S. M. A. Good Offices and Mediation and International Water Disputes / S. M. A. Salman // Resolution of International Water Disputes / The International Bureau of the Permanent Court of Arbitration (eds.). – The Hague: Kluwer Law International, 2003. – P. 155–199.

51. Wegerich, K. Passing Over the Conflict: The Chu-Talas Basin Agreement as a Model for Central Asia? / K. Wegerich // Central Asian Waters / M. M. Rahaman, O. Varis (eds.). – Helsinki: Water & Development Publications, 2008. – P. 117–131.

52. Ziganshina, D. International Water Law in Central Asia: Commitments, Compliance and Beyond / D. Ziganshina // The Journal of Water Law. – 2009. – Vol. 20. – P. 96–107.

53. Ziganshina, D. The Role and Relevance of the UN Watercourses Convention to the Countries of Central Asia and Afghanistan in the Aral Sea Basin / D. Ziganshina // Environmental Policy and Law. – 2011. – Vol. 41, No. 3. – P. 136–144.

54. Ziganshina, D. Transboundary Environmental Assessment in the Aral Sea Basin: The Interplay of International and Domestic Law / D. Ziganshina // Central Asian Journal of Water Research. – 2018. – Vol. 4, No. 2. – P. 27–47.

55. Ziganshina, D. The Principle of No Significant Harm in the Central Asian Context / D. Ziganshina, B. Janusz-Pawletta // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. – 2020. – Vol. 20. – P. 713–730.

56. Ziganshina, D. Paving the Way for Evidence-Driven Transboundary Water Cooperation in Central Asia / D. Ziganshina, J. L. G. de Schutter // JAWRA Journal of the American Water Resources Association. – 2022. – Vol. 58, No. 1. – P. 134–152.

57. Ziganshina, D. Water Infrastructure in Central Asia: Legal and Institutional Frameworks / D. Ziganshina // Frontiers in Climate. – 2023. – Vol. 5. – Article 1284400.

IV. Доклады и технические документы международных организаций

58. Dukhovny, V. A. Integrated Water Resources Management in Central Asia: The Challenges of Managing Large Transboundary Rivers / V. A. Dukhovny, V. I. Sokolov, D. Ziganshina. – Stockholm: Global Water Partnership, 2014. – 64 p. – (Technical Focus Paper).

59. UNECE. Second Assessment of Transboundary Rivers, Lakes and Groundwaters. – Geneva: United Nations Economic Commission for Europe, 2011. – 448 p.

60. UNDP. Central Asia Human Development Report: Bringing Down Barriers: Regional Cooperation for Human Development and Human Security. – Bratislava: UNDP Regional Bureau for Europe and CIS, 2005. – 246 p.

61. World Bank. Water and Energy Nexus in Central Asia: Improving Regional Cooperation in the Syr Darya Basin. – Washington, D.C.: World Bank, 2004. – 128 p.

62. World Bank. Irrigation in Central Asia: Social, Economic and Environmental Considerations. – Washington, D.C.: World Bank, 2003. – 96 p.

63. Ziganshina, D. Rethinking the Concept of the Human Right to Water / D. Ziganshina. – PhD Thesis. – Dundee: IHP-HELP Centre for Water Law, Policy and Science, University of Dundee, 2012. – 380 p.

VI. Электронные ресурсы

64. CAWater-Info: Информационный портал по водным ресурсам Центральной Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cawater-info.net/> (дата обращения: 01.12.2025).

65. Global Water Partnership Central Asia and Caucasus (GWP CACENA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gwp.org/en/GWP-CACENA/> (дата обращения: 01.12.2025).

66. International Water Law Project [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.internationalwaterlaw.org/> (дата обращения: 01.12.2025).

67. UN Watercourses Convention Online User's Guide [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unwatercoursesconvention.org/> (дата обращения: 01.12.2025).

68. UNECE Water Convention [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unece.org/environment-policy/water> (дата обращения: 01.12.2025).

69. Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии (МКВК) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icwsc-aral.uz/> (дата обращения: 01.12.2025).

70. Международный фонд спасения Арала (МФСА) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ec-ivas.org/> (дата обращения: 01.12.2025).

VII. Судебная практика

71. Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary v. Slovakia), Judgment, I.C.J. Reports 1997, p. 7.

72. Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay), Judgment, I.C.J. Reports 2010, p. 14.

73. Dispute over the Status and Use of the Waters of the Silala (Chile v. Bolivia), Judgment, I.C.J. Reports 2022, p. 614.

74. Indus Waters Kishenganga Arbitration (Pakistan v. India), Partial Award, 18 February 2013; Final Award, 20 December 2013 // PCA Case No. 2011-01.

75. Lake Lanoux Arbitration (France v. Spain), Award, 16 November 1957 // 24 ILR 101.